

смена

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б), Пресса

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Смена

№ 6
ИЮНЬ 1936 г.
Год издания тринадцатый

Москва улица „Правды“, 24, тел. Д 3-34-24

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Фото И. Гущина

Оканчивающие в этом году четвертую образцовую школу Краснопресненского района Москвы. Слева направо: Георгий Федотов, Влада Путиловская, Аня Антонова, Тоня Захарова, Нина Кундина, Вася Пищулин, Андрей Окоронко, Андрей Веселый. По всем предметам идут на „отлично“ и „хорошо“.

ИЮНЬ

Стихи БОРИСА ЛЕБЕДЕВА

Сегодня день
такой,
что впору
Забить о книгах...
я б скавал —
Такой,
что впору
бросить город
И срочно жаться на вокзал.
Вскапать...
услышать рев сирены...
Нырнуть перрону под навес...
Сойти на полустанке вином
И сразу углубиться в лес...
Идти,

шурша листвою...
Ломиться
Сквозь чащу
в поисках пути,
И вдруг
с разгона
очутиться
В плеску у липовых паутинах.
Бродить до самого званата
И слушать шорохи в кустах,
И шепт,
как Гейне пел когда-то
О звездах,
десушках,
цветках.

Рувим нес линия. Он свисал у него с плеча почти до земли...

Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет. Первую половину лета мы ходили все в крови и опухаях от комариных укусов.

В безветренные и жаркие дни, когда в небе сутками стояли на одном месте все те же пухлые, похожие на вату облака, в заводях и озерах появлялась рыбка. Вода затигалась липкой зеленой пленкой риски, и даже грузило ее пробивало с трудом.

Перед грозой рыба сразу же переставала клевать, как бы заколдованная тугимым зноем, тревогой, нависшей над лесами, и глухой кроющей землей от далекого грома.

Во время ненастья и прибываи воды клева не было.

Но зато как хороши были туманные и теплые утра, когда тени деревьев аскали далеко на воде и под самым берегом ходили неторопливыми стадами пугливые головасты. В такие утра стрекоты любили садиться на поплавок и мы с замораиванием сердца сидели, как поплавок со стрекоткой надут медленно и косо шел в воду, стрекотка взлетала, замочив свои лапки, а на конце лески уже билась и тут же ходила по дну шальная и веселая рыба.

Как хороши были красноперики, падавшие живым серебром в густую траву, бившиеся среди одуванчиков и иван-чая. Хороши были закаты в полнеба над лесными озерами, тонкий дым облаков, холодные стелы лилий, треск костра, краканье диких уток.

Дед оказался прав: к вечеру пришла гроза. Она долго ворчала в лесах, потом поднималась к зениту пепельной стеной. Первая молния хлестнула в далекие стого.

Мы просидели в палатке до ночи.

Ночью дождь стих, мы разожгли большой костер, обсохли и уложили спать нашего мальчика. Сами мы сидели у костра и ждали рассвета.

В лугах печально кричали ночные птицы и белая звезда переливалась над Прорвой в чистом предутреннем небе.

Я задремал. Разбудили меня перепела.

— Пить пора! Пить пора! Пить пора! — кричали они где-то рядом, в зарослях шиповника и волчьей ягоды.

Мы спустились с крутого заросшего берега к воде, цепляясь за корни травы. Вода блеснула, как черное стекло. В ней были видны стелы подводных трав и дорожки, проложенные улитками на песчаном дне.

Рувим закинул удочку недалеко от меня. Через несколько минут я услышал его тихий призывный свист. Это был наш рыбацкий язык. Короткий свист три раза значил: «Бросайте все к черту и идите сюда».

Я осторожно подошел к Рувиму. Он молча показал мне на поплавок. Клевала какая-то странная рыба. Поплавок качал-

ся, осторожно плава то вправо, то влево, дрожал, но не тонул. Потом он стал вниз, чуть окунулся и снова вынырнул. Рувим застыл: так клюет только очень крупная рыба.

Поплавок быстро пошел в сторону, остановился, выпрямился и медленно начал тонуть.

— Топит! — сказала я. — Тащите!

Рувим подскел. Удилище согнулось в дугу, и леска со свистом врезалась в воду.

Невидимая рыба туго и медленно водила леску по кругам. Солнечный свет падал на воду сквозь заросли ветел, и в его бледном свете я увидел под водой бронзовый яркий блеск. Это изгибалась и пятляла в глубину пойманная рыба.

Мы вытаскили ее только через несколько минут. Это оказался громадный лещиный линь, со смуглой золотой чешуей и черными плавниками. Он лежал в мокрой траве и медленно шевелил толстым хвостом.

Рувим вытер пот с лица и закурил.

— Наконец-то привалило счастье! — сказал он отдышавшись.

Мы больше не ложили.

Как только мальчик проснулся, мы смотали удочки и пошли в деревню.

Рувим нес линия. Он свисал у него с плеча почти до земли. С линия капала вода, и чешуя его сверкала ослепительно.

Мы нарочно пошли через луга.

Женщины, завидев нас, бросили работу и смотрели на нас, прикрыв ладонями глаза, как смотрят на нестерпимое солнце.

Легкий шопот восторга прошел по их рядам.

Мы шли через их строй спокойно и независимо. Только одна из женщин вздохнула и, берясь за грабли, сказала нам вслеп:

— Красоту-то какую понесли, — даже глазам больно.

Мы пронесли линия через всю деревню. Старухи высовывались из окон и галдели нам в спину. Мальчики бежали следом и канючили:

— Дядя, а дядя, где пыхмал? Дядя, а дядя, на что клонул? Дед Митрий пощелкал линия по золотым жабрам и засмеялся.

— Ну, теперь бабы языки подожмут. А то все у них хихикалки да хахалянки. Теперь дело серьезное.

С тех пор мы перестали обходить женщин. Мы шли прямо на них, и они нам ласково кричали:

— Ловить вам не переловить, соколяки. Не грех бы и нам рыбки припрести.

Так восторжествовала справедливость.

Моя юность

Рассказ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЛАСОВА,
рабочего 1-го шарикоподшипникового завода им. Л. Кагановича

Н. А. Власов.

В Москву меня привезла мамаша, самого не пустяки: маленький. А обаял бы тогда такой. Поселит кто-нибудь из мужиков в город, найдет в булуничном и тайет потом за собой дружи. Или я сасаря шел. Гажини: одно село все по булуничному делу пошло, другое — по слесарному. В нашей деревне Чернышине все были гончары или пещини. Отец у меня — гончар. Но меня взял к себе дядя, матери брат, он работал грамотом на сидельщиной фабрике.

Поехали в Москву, к дяде. Мамаша оставила меня и уехала.

Дядя говорит:

Ну, Каля, дерзай! Поселит тебя сегодня на фабрику. Попрошу, может, там в спальню возьмут. Со мной ты забалуешь...

А спальня — это было помещенье, где жили рабочие и ученики. Нары деревянные вдоль стены, концы досками разгорожены, на каждом свое место. Как гроб.

Провел два-три года мастер ничему не учил, только ставила смазывать валы в машины. Без ваятки трудно было выучиться делу. Граверная специальность считалась хорошей, дако богатые заводчики отдавали своих детей в ученики. Они давали мастерам денег, приносили под праздник мукел белей, окорока, пироги, а те уж, конечно, из детей не забывали. Мне счастье было, что я окола дяде выволакался.

Я смежу валам и бегу к нему, а он мне, как грамотный показывал. Потом мастер кинется, я слово бегу смазывать. Вместе со мной в спальню жил ученик Иван — так тот прямо поспадал! Умный был, способный, товарищ хороший, а ходу ему не давали. Отец привел, кажется мастеру, а мастеру покомом неуживо — ему деньги нужны. Потом кто-то сказал, будто Иван копался урла, мастер обрадовался случаю и вынул его. Вот вам и все ученье!

А грамотная работа интересна. Тонкая работа!

Мне, правда, другая специальность уежала. Работники эти рабочие называются. Они в фабричной работат. Но пришлось поучиться дяде, так как он мне поворотовистова. А я все-таки любил смотреть на фабриные машины.

Работать мы 12 часов в день. Час — на обед. Давали нам кашу, иногда мяса. Соблюдали все посты. Люди были деревенские, одна каша на десять человек.

Пром ученики поощряли в аловому бегали. Прошедши по всем грамотам, спросио:

— Вам чего купити?

Один говорит — валам, другой — соточку, а кто в компании с кем-нибудь — и на бутылку соберет. Волку носить на фабрику было запрещено, но отказать грамотам тоже нельзя было: артуговет. Ишли в алаву, просили: «Дайте мне самый красивый павел». На дно положили бутылки, а сверху булки, валам...

В спальнях один на окрике играл. Хорошо играл. Как начнет кто-нибудь гостинце плавить, прямо за душу хватает. Мы сидим все на парке, слушаем, мечтаем. Правда, по моту на парке, слушаем, мечтаем. Гостинце мыслей не хватало, но все же обаял бы. Тому гостинце чьих новизн человек, того мастер уже разругал, у третью в деревне братья и сестры голодные. Тот, что да окрике играл, гостинце:

— Если бы я из богатой семьи был, я бы обязательно на артиста выучился. У меня талант.

А что такое талант, мы и не знали.

Для нас, молодежи, большое событие было, когда хозяин завод. Рыбон, на фабрику на автомобиль пришел. Первый раз в жизни увидали такую машину. Высокими все на уладу, мастера ругаются, а сами тоже бегут. Что за чудо такое. Шофер важный сидит — не подпустит.

По воскресеньям ходили на Девичье поле: туда фабричные со всей Москвы собирались на гуляния. Баловали женщин, марушал, петрушка. Петрушка какую-нибудь песню кричит, вроде:

«Юлия прекрасная
Каталась на тройке,
А после голова
Трепала от попойки».

Стоим, слушаем. И еще слышать хочется, только денег нет, чтобы еще билет купить. Получили я пять рублей, три — четыре за парочку отдава. Что там мне оставалось? Если бы не дядя, не знаю, что бы и дела. Ничего не зна, а ость нечего. Ог мне и купил павло.

Больше все у нас интересовался политикой Карпов Сергей. И мы иногда с ним ходили на сколки. Ближе от нашей фабрики проходила Павелецкая дорога. Она была обсажена густым кустовником. Там и собирались, когда темнело. Разучивали песни: «Марсельезу», «Смело, товарищи, в ногу». Потом я стал антовски разбрасывать.

Карпов зам всегда говорил:

— Назревает жарко.

Первой стала фабрика Цинделя (теперь Государственная ситцевая фабрика № 1). Цинделевы помет к нам на Давыдову, по дороге алажам жасную фабрику Ябло и адронякую. Мы

работаем, слышим крики: «Иду!» Сразу бросаю работать. Требования были экономические, касались рабочего дня, заработной платы. Пошли мы все дальше, остановили аржунскую фабрику Флетчера, транспорт по дороге закрыли. Когда шли к фабрике Менделеева (теперь им. Фрунзе), а своего двоюродного брата встретил.

— А. Алешка!

— Здорово, Каля!

Обрадовались мы. Отошли немного в сторону, стоим, разговариваем.

Вдруг конные едут. Мы по насилию взобрались на мост, смотрим: стоят рабочие какой-то, проехали под мостом, зашвыряли поленом в офицера. Тот с лошади — брыз, потому сразу вскопич и как захватил.

— Бей!

Кони в одну секунду на мост влетели — насилие жуткое, но они, наверное, были приучены. Мы побежали...

Мужчина какой-то рядом со мной бежит в дубленом полушубке, и назав за нами. Я добежал до заборчика, перемахнул через него — и в канавку. Аску. А мужина — тот зацепился. Как ни говорит, а пошубок тянется. Он на заборе висит, а канавка его нагайкой стает... Потом канавка на забор влетела...

— А ты ода забрался, сукин сын!

— Давленка, давленка! Я больше не буж.

Какой там адепента! Как полосу от нагайкой, так рукава на пальто и аспоро. Руку я потом неделю мне не поднимал совершенно. Но рука — это что! Иду домой, думаю: поймаю кем от дяди за павло.

На фабрике строго стало. Городовых поило. Как человек на них косо посмотрит, так сразу беруть его.

К тому времени уже не только экономические, но и политические требования адепента. Работные охотелись. Стали обороняться от пошубки — организовывали дружины.

Когда вылазили баррикадные бок, я видел, как полиция расправлялась с рабочими. Хотели мы с ребятами пройти к дружинникам на Большую Серпуховскую, но не успели. Уехали валам, кричи.

Мы за часовней Никольско-утоличная сполтались, выжидали. Пуля крылом летает. Один кирипичин, здоровый мужина, как закричит: — Что они нас, безоружных, бьют? Мало им пота нашего, храни валам...

Вызоротил камень из мостовой — и на околоточного. Сразу слышились выстрелы, павла. Рабочий побежал. Гороховой с берданкой стал ему путь азоряничать. Попаз штатом в бок и придала к забору.

Тяжелые были времена!

После 1905 года и какой серьезнее стал. Говорю у нас был Акимов, старый революционер. Он нам многое объяснял. Но если бы и не объяснял, все равно, трудно было забыть, что видел, что переживал.

Я иногда своим детям о прошлом рассказываю и говорю: «Мы ребята, ничего этого не знаете, мы должны благодарить наших вождей за счастливую жизнь».

Одна из комнат Музея

В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

Очерк Л. ВЛАДИМИРОВА

Фото И. Гущина

...Со дня открытия Музея Ленина прошло несколько месяцев, но, как и в первые дни, сотни и тысячи людей ежедневно устремляются в его светы залы... Здесь, в картинных и документальных, в книжных и фотографических, развернута жизнь и борьба Владимира Ильича Ленина.

Надежда Константиновна Крупская рассказывает в своих воспоминаниях, как в девятидесятых годах прошлого столетия среди петербургских рабочих разнесся слух о каком-то исключительно подготовленном и очень знатном знающем марксисте, приехавшем откуда-то с Волги... Этот знающий марксист — Владимир Ильич Ульянов — вскоре стал признанным руководителем первых марксистских кружков, организатором петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Его почитательно, с уважением называли «стариком», а было ему тогда всего 23 года.

Как же протекала юнкосские годы человека, который в 23 года смог стать во главе борьбы за создание большевистской партии?

Войдите в первый зал Музея. С волнением будете вы рассматривать малют дом, в котором жила Ульянова в Симбирске. Вот в меблировке Владимира Ильича. Самое характерное в обстановке этой скромной комнаты — обилие книг, огромная книжная полка. Школьник Володя Ульянов поражал всех своей начитанностью.

Владимир Ильич, как известно, учился блестяще, этого не могло отрицать даже и гимназическое начальство. Мы видели школьный журнал с отметками Владимира Ильича (кружками пятерки), позолоченный лист, золотую медаль, аттестат зрелости.

Совсем другие лет, Владимир Ильич уже студент Кавказского университета. Он становится во главе студенческого движения, организует в 1887 году студенческую сходку, о чем пространно доносит по почтительству попечителя Кавказского учебного округа. Это первый документ о революционной деятельности Ленина. За организацию сходки Владимира Ильича исключают из

университета и ссылают в деревню Конуэвную. Начальство уже тогда почувствовало в Ленине непримиримого врага самодержавия.

Исключительное внимание привлекает витрина с надписью: «Книги, прочитанные Лениным с 1889 по 1893 гг.». В смысле воссоставительский Владимир Ильич читает «Капитал» в подлиннике. За тот же промежуток времени он прочитал сочинения Добролюбова, Чернышевского, основные работы Маркса на немецком языке, книгу Грядковского «Начала русского государственного права», капитальный труд Куно Фишера «История новой философии» и множество других книг по истории, философии, праву, статистике... Тут же, рядом с этой замечательной витриной, выставлены рукописи первой самостоятельной научной работы Ленина — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

Осенью 1893 года Владимир Ильич приехал в Петербург.

Во втором зале Музея выставлены редкие документы, дающие выходящее представление о том, как боролся Ильич за создание партии.

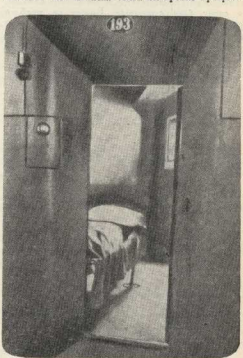
К стене прикреплена мраморная раба. В ней, за стеклом — подлинная гектографированная копия программы работы Ленина «Что такое партия народа» и как они воюют против социал-демократов». А вот редкостные альбомы сожженного собрания, в котором помещена была статья Ленина против Струве¹, и подлинники первых листов с рабочим, написанным Владимиром Ильичем.

По этим листовкам можно проследить, с какой тщательностью входили Ильич в такую аду, как массовая пропаганда и агитация.

В конце 1895 года Ленин был арестован. На ците снимок камеры, где сидел Ильич.

1 П. В. Струве в 90-е годы — аполитичный марксист, а затем правый кадет, участник и вдохновитель белогвардейских выступлений, один из главных идеологов контрреволюции.

Листки какой-то медицинской книги, на которых Владимир Ильич написал проект программы.

В этой камере петербургской тюрьмы (снимок камеры выставлен в Музее) был заключен Владимир Ильич в 1895 году. Здесь он работал над проектом программы партии и писал книгу «Развитие капитализма в России».

[illegible]

Третий и четвертый этапы. Зинко подготовили 25-е заседание «Искра», Каулер революции 1905 года. Ожесточенная борьба Ленина с меньшевиками по программным, тактическим и организационным вопросам. Она раскрыта здесь в десятках интереснейших документов. Вот, например, фототипия заявления Зинко: «Я, Владимир Ильич Ленин, ввиду отсутствия тов. Каулера, объявляю открытым 25-е заседание ЦК РСДРП». Обсуждался первый параграф устава партии. Ленин записывает фразу Мартова: «Я желаю себе сделать членами партии...» и намечает тут же свою исключительную по силе остроты формулу: «Отделение болтающих и работающих. Лучшее 10 работающих не называть членами, чем одного болтающего». В заключение Зинко говорит: «...руководство партии, а также тов. Ленин против Мартова и, следовательно, его речи против Троцкого».

Около этих ярчайших документов истории большевистской партии часами стоят посетители, изучая каждую ленинскую мысль, каждое слово.

Крайне любопытны полицейские материалы того времени, касающиеся деятельности Ленина и Сталина.

Сразу же у входа в третий зал — витрина с донесениями начальника московского окрального отделения Зубатова. Жандарм сообщает начальству, что «крупные Ульянов в революцию сейчас никого нет» и что следует немедленно «хлопнуть сего господина». Рядом — другая витрина с жандармским делом, носившим характерное название «О Дугуталияни и Канделаки, бывших учителями и руководителями батумских рабочих в их рабочем революционном движении».

Широкая лестница ведет в светлые залы замечательного Музея...

Сысھے 400 книг прочел Ленин, работая над своей книгой „Империализм, как высшая стадия капитализма“. Одни лишь выписки Владимира Ильича из этих книг составили несколько объемистых сборников. Все эти книги и материалы заняли две огромных витрины в седьмом зале Музея

нии, сопровождавшемся разбрасыванием прокламаций с возгласием к бунту и к диссидентскому протесту. Давидович-Сталин был известен среди пролетариев Баку как учитель рабочих, а Канделики — как помощник учителя. Полицией доносился последующих годов также весьма дурной и иллюстрирует типичную работу Ленина и главной ленинской школы большевиков. Так например в четвертом зале выставлены полицейские документы, говорящие об исключительном революционном упорстве Сталина, который в то время бегал из одной очередной ссылки на Кавказ, чтобы руководить революционным движением.

Масса других экспонатов дополняет показ жизни Ленина и деятельности партии в тот великий период. Вот знаменитый шахматный стол Ленина. Он выставлен в Музее не только как лучшая вещь, принадлежавшая Ильичу, но и как памятник славы, в которых работала тогда большевистская партия. Столик был с секретом. Под шахматной доской таился ящик, в котором хранились ценные документы, списки членов ЦК и т. д. Много раз позиция обстукивала этот столик, но столик, сделанный по личному заказу Ильича, ни разу не подал.

Вы переходите из зала в зал. Деятельность Ильича в годы реакции, в годы нового подъема революционного движения, в годы империалистической войны проходит перед вашими глазами.

Мы не будем в этом кратком очерке пересказывать все то, что можно увидеть в Музее. Здесь должен побывать каждый юноша, каждая девушка.

В седьмом зале посетители подолгу простояют перед огромными стеклянными витринами с книгами, которые прочел Владимир Ильич, когда работал над своим трудом «Империализм, как высшая стадия капитализма». Здесь можно насчитать свыше 400 томов. Один лишь выпуск Ильича из этих книг составлял несколько «Ленинских сборников».

Перед нами как бы раскрывается лаборатория великого ума. Исчерпывающее трудовое отношение в эту же секунду исследуемого явления становится в явную внутреннюю связь с предельной убедительностью.

Все новые и новые документы привлекают наше внимание. Ленин из-за границы руководит революционным движением в России. Вот фотокопии томонов, написанных Лениным для ленинской большевистской фракции. Разом — стенограммы выступлений депутатов-большевиков Государственной думы, сделанных по призыву ленинских тезисов.

В восьмом зале уже условия приходить партии вести в то время свою работу.

Мы рассматриваем творческие фотографии Сталина, Молотова, Куйбышева, Орджоникидзе, Калинин, читая наглядные материалы, на которых видно, как намеренно принимала меры к тому, чтобы не допустить победы из мысли товарища Сталина, Свердловского и Свердловского. Этот побег организовывал Ленин. С захватывающим интересом читаем мы письма Ленина к Сталину и Сталина к Ленину.

Эти залы Музея — величайшая школа большевистского мужества, героизма и твердости духа.

1917 год. Ему посвящены два блестящих зала Музея. Посетитель как бы дышит здесь воздухом великой революционной бури. Здесь много картин, скульптур, рисунков.

С особым вниманием просматриваются витрины, где показана борьба Ленина с предателями Зиновьевым и Каменевым. Нельзя без волнения читать знаменитые ленинские письма к членам партии и в Центральный комитет, в которых Ленин разоблачает шпейстерство Зиновьева и Каменева и требует исключения этих предателей из партии.

Так же, как и тогда, как и на всех этапах истории партии, рука об руку с Лениным вступил и боролся товарищ Сталин, великий ученик и сподвижник Владимира Ильича. Мы видим много знаменитых документов, написанных совместно Лениным и Сталиным.

С особым волнением останавливаешься около экспонатов, иллюстрирующих пребывание Вла-

димира Ильяча в тюрьме, помещенный послужить на нашего Ильича!

Последние годы Ленина. Его рабочий кабинет, в точности воспроизведенный в Музее. Специальная комната, изумительно точно воспроизводящая стиль каждой детали работы Ильича.

Вот как об этой комнате и других залах Музея рассказывает группа комсомольцев («защита Шарикова») из группы комсомольцев («защита Шарикова»), побывавшая здесь.

«Впечатление от многих экспонатов, документов — это огромная требовательность Ленина к себе и необычайная чуткость к окружающим. Вот выговор товарищу Сталину о том, что он помыслил Ленину жалованье в 500 до 800 рублей. Выговор, подписанный рукой Ленина. И тут же рядом, очень трогательная записка с просьбой не будить Сталина, а попросить его позвонить по телефону, когда он встанет. Или другая записка с просьбой передать одной из сотрудниц, что она может уходить в отпуске или поработать в выходные дни. Занятость бы кажется тем, что эта сотрудница далеко жила.

Прочитав эти документы, наш комсомольский организатор тов. Давидович записал в своем блокноте: «Ильичу и чуждо относиться к людям, обращаться с людьми по-ленински...»

Другой товарищ из нашей группы увидел записку Ленина в Румянцевскую библиотеку с просьбой выдать несколько книг для развития почтительности к книге хотя бы в течение одной ночи. И товарищ этот записал у себя в блокноте: «А я всегда 8 библиотечных книг. Нужно воспитывать в себе ленинскую аккуратность».

В девятнадцатом зале все мы долго записывали, как Ленин организовывал свой день. Там наглядно показан день 31 января 1921 года. Это как особенно поразило, — это весь день буквально расписан по минутам. И как-то особенно хочется усвоить эти черты Ленина: организованности, целеустремленности.

Большая Записка Владимира Ильича Сталину. Она оканчивается словами: «Я к вам теперь обращаюсь. Творите и я могу учиться у вас».

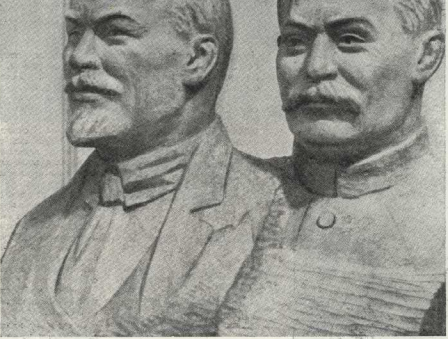
Пребывание в Горках, Великая революция, трудные дни и ночи, пережитые в тысячах писем и программ, приложенных в Горки со всех концов страны.

И, наконец, титанический, не забываемый для всех ленинских и будущих поколений день — день смерти Ильича.

Траурный зал Музея. На его пороге останавливаются с бьющимся сердцем.

Самые знаменитые Советские республиканцы. Фотографии: Сталин несет гроб с телом своего учителя и друга, А. в глубине зала, на возвышении, освещенный прожекторами, масса с лица и рук Ленина и разрозненные алые знамена над постаментом бесстрашной сталинской кавальерии.

— Давидович да зал Музея. Свыше 6000 дошедших до нас экспонатов. Замечательные произведения искусства, поэзия и живопись, три огромных зала. Величайшие реликвии партии. По ним будет учиться ленинскому мужеству, ослепительной памяти, обращенной к ней сталинской призыв, горючий на стене Музея: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего друга, нашего героя. Боритесь и побеждаете врагов, внутренних и внешних, по Ильичу».

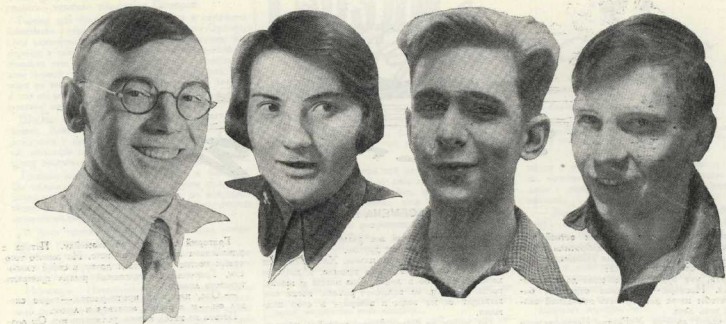

В Музее Ленина собраны многочисленные произведения народного творчества, посвященные Ильичу. На нашем снимке — вырезанная из дерева скульптура «Ленин и Сталин». Работа холмогорского скульптора П. Верна.

димира Ильича в подполье близ станции Рязань. Здесь собраны подпольные вещи, которыми пользовался Ильич, живя в пещале: чайник, котелок, пил, вилы, грабли, ведро и пр.

Следующие комнаты Музея (десятой и одиннадцатой залах) посвящены волеи, непрерывной эпопеи гражданской войны и первым лет советского строительства. Здесь трудно что-либо особо выделить: здесь каждый экспонат привлекает к себе внимание и волнует.

Вот экспонаты, передающие подробности злодейского покушения на Ленина. Картина: Ленин выступает за мавзеем Миклоша. Воззвание, подписанное Свердловым, Листовым МК партии, передающее пламенный гнев трудящихся в связи с гнусным злодеянием. «Не страх и смущение, а ненависть и гнев» — так озаглавлена эта листовка. Здесь же вещественные доказательства покушения: револьвер, четыре стреляных гильзы, пули, вынутые из тела Ленина, простреленное и зашитое рукой Надежды Константиновны пальто Ильича. Снимается острой болью сердце, когда видишь эту реалию. Нет и никогда не будет

Толя Романов, Таня Царева, Леша Лебедуха, Витя Мильман.

ЧЕТВЕРО ИЗ ОДНОГО КЛАССА

Их было четверо. Они учились в одном классе 6-й школы Фрунзенского района.

Вместе ходили в театр и на футбольные матчи, вместе впервые ездили в метро. И, может быть, проходя по многоэтажным коридорам под землей станции, Толя Романов думал об архитектуре новых линий метрополитена («Она должна быть еще лучше, еще прекраснее»), Леша Лебедуха — о людях метро («Кинг и ник должны быть вынуждены»), Таня Царева — о мощном телевидении («Он позволит всему Союзу победить московских болельщиков»), а Витя Мильман проектировала новую, самую длинную («Длиннее чем у Красных ворот») элестическую станцию.

И вот, четверо, окончили школу...

Толя Романов поступил в Инженерно-строительный институт.

Впереди четыре года напряженной работы. К концу первого года Толя приходит с оценками не ниже «хорошо» по всем предметам.

Он начал собирать библиотечку по архитектуре, бывал в музеях, знакомился с образцами классической скульптуры и архитектуры.

Толя пришел в Институт еще уличным поэзией и театром. В школе он был непременным участником всех постановок драмкружка: играл в «Евгении» и в «Чудесном слове». Когда ставили комедию Голдони «Саура друг господ», она вместе с Лешей Лебедухой засела в читальне и переписали весь текст, потому что писцу нельзя было достать ни в магазинах, ни в библиотеках. Они выпустили специальную газету, посвященную театру Голдони, и сделали спектакли о комедии... Но где же теперь его друг Леша?

Леша сидит на лекции в педагогическом институте им. Бруновца. В этом Институте учит искусству учить.

К миссии о том, чтобы стать преподавателем литературы, Леша пришел, если можно так выразиться, «от обратного»:

«Можно принять отрицание к любому предмету, даже к такому интересному, как литература. Преподаватель в нашей школе и делал это в меру своих сил. Мы не изучали произведений великих писателей, мы их «сморбывали». Такая «проработка» буквально убивала во мне интерес к Пушкину. Это — страшное убийство!»

Леша Лебедуха пошла в педагогический институт, чтобы научиться преподавать литературу по-настоящему.

«За этот год я получила много теоретических знаний по литературе, — рассказывает она. — Я с увлечением слушаю лекции наших профессоров и особенно профессора Н. К. Гудина, читающего древнерусскую литературу. Принято почему-то считать эту часть литературы скучной и малоконкретной. Я не могу с этим согласиться. Даже такие литературные памятники, как «Пития святого» или древнерусские летописи, очень интересны, и без изучения их просто нельзя понять позднейшую литературу».

Витя Мильман не скрывает: он выбрал машиностроительный институт имени Баумана почти случайно. Его привлекал «профиль» Института. Здесь двадцать специальностей, и все одинаково интересно! Двадцать специальностей, и можно выбрать любую! Витю трудно сейчас сразу ответить, какую специальность он выберет в дальнейшем. Впрочем, больше всего его привлекает факультет двигателей внутреннего сгорания.

Витя подробно рассказывает о своей учебе и об общественной работе (он комсомолец группы). И вдруг признается:

«У меня «ясу» по черчению. Я, конечно, исправлю это теперь же... Просто не сумел сразу организовать свое время. Школа все-таки не научила этому. Приходится приспосабливаться к товарищам по курсу, к тем, кто постарше».

Он в Институте только семь месяцев, но уже успел подружиться со многими. Разница в годах

здесь не играет большой роли. У десятиклассников больше теоретических знаний, а у тех, кто пришел с работы или с производства, — практический опыт. Взаимная поддержка крепит дружбу.

Уже год Таня Царева ходит в форме слушательницы Академии связи.

«Раньше было немного странно, когда встречала девушку в военной форме. А теперь пошути сама», — говорит Таня.

Специальность Тани Царевой интересует очень многих, и не только в той школе, где она училась. Со всем исходом к ней приходятся требования из соседней, 35-й школы Фрунзенского района. Таня должна была провести своего рода «профорientацию».

«Моя специальность очень интересная. Радио! Это малоизвестная область, где можно применить все свои силы».

Ее мечта — специализироваться в области телевидения.

... И Таня Царева на Красной площади приспала в верности родной.

На трибуне стоял Сталин.

Рядом с ней были красноварейки, летчики, краснороботники.

Голосу первого маршала Советского союза

читавшего текст присяги, громовым вхож вторила Красная площадь.

«В этот день я много думала о той части, которую выпала на мою долю. Я думала о моих друзьях, о том, что я давала присягу от имени всего поколения восемнадцатилетних, от имени ровесников Октябрь. Мои друзья — в разных парамарийских колониях, не я знаю, что, если потребуется, все мы будем вместе в одной колонии — колонии защитников Советского союза... Так говорит Таня Царева.

А. ГАН

Москва, Фрунзенский район.

Рассказ СЕМЕНА НАРИНЬЯНА

Лодка вышла из-под темистых ветвей нам на середину реки. Робята набросили веревку на каулю-то корягу, а Тани Платошкова посмотрела на солнце и сказала:

— Будь, что будет, а я сегодня должна выкупаться. Насморк — не такая страшная болезнь, чтобы из-за нее упустить последний солнечный день лета.

Была конец августа. У Гриши Пасталовского от такого странного продолжения заплыва ноши. Летняя дрожь пробежала по его крепким мускулам, и он прошепел по адресу девушки что-то невнятное, но, очевидно, обидное. Петр понял, что друг его начинает злиться, и стал уговаривать Танию отказаться от своей затеи.

— Здоровье — самое ценное благо для человека, — говорила Тани, — и я, как медик, не советую вам приносить его в жертву мимолетной прихоти...

Петя говорил мягким грудным голосом. Это был по натуре такой доверчивый парень, который мог искренно страдать из-за маленьких издевок своих товарищей по институту. В его дружном теле жила некая душа. Девушки прозвали Петра поном, хотя он никогда не писал стихов, и часто в своей среде подменял себя над ними.

— Когда вы познакомитесь с Гришей, — говорил иногда подруги Тани, — вашему семейству не придется хлопотать о прописке внии. Петля всплыв и повторит все выше упомянутое своим собственным материнским сердцем.

Петя еще продолжала говорить Тани о великих опасностях болезни, когда Гриша вдруг пересел на другую скамейку и встал за вося. Лодка зашаталась. Это грубое движение обидело девушку.

Тани, конечно, быстро отказалась бы от своей затеи, если бы ее попросил об этом Григорий Пасталовский. Но тот был молчалив.

— Ну хорошо, — подумала Тани, — я вижу из этого камня пару слезинок. Ты думаешь, — молча пригрозила она Гришке, — что я не решусь влезть в воду, потому что молчишь, — смотри же, я тебе доволу обратилась!

И Тани без всякого предупреждения стала снимать с себя майку. Главнейшим движением девушки слова у Петли язык, и он искривился только тогда, когда красное, здоровое тело Тани поднялось перед ним на корме, обнутое своим кулачником восточном, и перешатнуло в воду.

Тани плыла по середине реки вниз по течению. Плавные золотистые полосы сверкали на солнце и уходили все дальше и дальше от лодки.

— Поплывем за ней, — предложил Петля, — и встанем ее в лодку. Она же может простудиться!

— Будешь ли ты когда-нибудь парнем? — сказала Гришка своему другу. — Это обыкновенный бабый каприз. Смущай, она далеко плывет, как артистка перед зрителем, с гвоздикой и прищипом, а ты хочешь, чтобы мы за ней мчались, как куток.

Гришка говорил, но слова его были нескреплены: ему хотелось плыть за любимой девушкой, но он не крепился. Гришка боялся проследить за любимой девушкой и поэтому лег на скамейку, чтобы не видеть Тани.

В лодке возмущался молчаливый

Петля посмотрел еще раз на красный пучок

гвоздиков, упавших в воду, и пришел рядом со своим другом.

А Тани все плыла и плыла. Холодная вода успокоила ее, злость давно прошла, и девушка ловко обратилась в лодку. Она плыла и плыла, вода, наконец, ее оклинула, когда она выплывала из-за воды и завернула в свой гил-жани.

Но робить не было. Лодка спокойно потачивалась у кормы, а Тани продолжала нести вниз по течению. Вскоре показался поворот. Течение подхватывало девушку и понесло ее к водороту.

Резкий крик доносился до лодки. Друзья быстро вскочили на ноги и начали отбегивать лодку. За первым криком ветер донес второй, третий, а намокший язык ворвался никак не распутывался.

— Тани тонет! — сказала Петля и посмотрела на друга.

Проклятая коряга не хотела отпустить лодку, и облом парням стало ясно, что девушку можно спасти, только бросившись за ней нырнув.

Григорий Пасталовский сбросил саидани и подошел к жосу лодки. До поворота был метр полтора. Золотой клубок танных волос еще виднелся на поверхности воды.

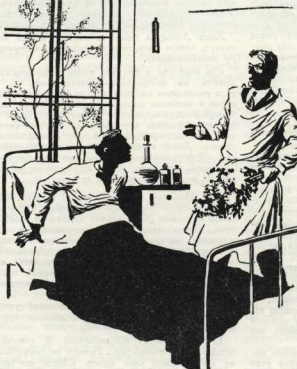

Рис. В. Коновалова

Называть тебя после этого своим товарищем — значит показать свою слабость...

Григорий тихо сел на скамейку. Петля с удивлением посмотрел на него. Но вместо того чтобы честно признаться другу в своей слабости, Григорий Пасталовский решил прикрыть прелесть лодки.

— Она, наверное, противоречит, — глухо сказал он, — и я решила остаться в лодке. Петля не хотел верить упавшему в лодку. Он резко повернулся к себе лицом друга, чтобы посмотреть ему в глаза, и тут же отвернулся. Лодка была покрыта крупными каплями пота.

Петля не стал снимать с себя турья и прыжок с борта впустил в воду. Какая-то неведомая сила внезапно инстинктивно его злило тело, и он быстро поплыл вперед, не чувствуя холода.

Девушка уже захлебывалась, когда Петля очутился рядом с ней. Он не знал оводоносных прав и поэтому не сумел сразу разобраться в обстановке. Но это было только секундой замешивания. Петя Орлов соорудил, что нужно делать, и схватил девушку левой рукой за морщину волос, правой стал гребсти к берегу.

Сила уже лавала повсюду потечением по-молта, когда он добрался, наконец, до гибких ветвей и нырнул за них, чтобы переодолеть. Рядом с ней стояла лодка.

Григорий Пасталовский решил пригнать ее сюда от злополучной коряги. Он бегал теперь в шлокахи носком по берегу, собирая хворост. События разворачивались так стремительно, что Гриша забыл надеть саидани.

Когда Петя с Танией выбрались из воды, веселый жаркий огонек костра поднимался к небу, гостеприимно приглашая продолжить кулачничков погреться. Гриша стоял возле костра, держа в вытянутых руках палки, чтобы набросить его на посиневшие плечи любимой девушки. Но Тани не воспользовалась этой любезностью. Она отшла в сторону руку Григория и, вытиская из сумки платок, стала переувлажнять порнушеную руку поща.

— Обо что ты ты ушиблась порезалась? — тихо спросила она.

Петля так замерз, что не мог расклат ут. Он показав уставшим глазами на шпалку, которой Тани приколола к волосам букетик гвоздик, подернутой ей утром Григорием, и медленно пошел в сторону студенческого общежития, чтобы переодеться.

Петля не видел, с какой злобой Тани паровала из своего колос намолотил букетик и как брезгливо отбросила она его в сторону. После этого Тани отошла в лодку, чтобы надеть сухое платье, и протрясла волосы за поном...

События, происшедшие на реке, имели живой отклик в общежитии. Робята заставляли

Таню достали раз повторить свой рассказ. Их странно удивило поведение Григория. Героем его был поэт. Студенты и студентки одинаково удивлялись поведению Петра Орлова. Они вывесили даже портрет своего смелого товарища в самой большой комнате общенародия и даже герцошеской постройке в специальном номере стеной газеты. К сожалению, сам поэт не видел ни того, ни другого. Его уволили в тот же вечер в факультетскую клинику с крупным воспалением легких.

Шестая ступень Петр Орлов делал в полуосвещенной, Комсомольско-студенческой поочереди декламируя у кровати больного товарища. А парни, несмотря на канюки, по псалому раю в ступни надевали халаты, чтобы вставить Петю.

Гришка несколько раз приходил к палате. Он надевал шапку, позвонил в дверную палату и останавливался у порога. Петя не открывала своих воспаленных глаз, а декламируя студентки отворачивались от Григория.

В день кризиса Петр Орлов потерял сознание. Он тяжело бредил.

Робота очень болели за его жизнь. Они поехали на вокзал, чтобы встретить возвращающегося на Елизаторию профессора.

Николаев Николаевич растерялся, так как встреча. Он внимательно выслушал выходящую из двери рассказ учеников и пошел к палате Николая Николаевича. Старый профессор осмотрел Петра Орлова, выслушал его сердце и, для того чтобы успокоить студентов, стал даже шутить.

— Эх вы, Джульетта-жульетта! — сказал он Тане — одного любите, а другого губите, — где же справедливость!

— А кстати, — спросил Николай Николаевич после небольшой паузы, — где обретается сейчас ваш трагический Ромео?

Гришка стоял в это время у двери палаты. Он слышал слова старого профессора и тихо пошел к выходу, чтобы не встретиться с ним в коридоре.

Всю ночь студент IV курса медицинский факультета Григорий Потаповский ходил около клиники. В голову приходили самые неслучайные мысли. То он хотел бежать к Николаю Николаевичу, чтобы передать свои крохи для лечения, то забирался на крышу, чтобы выйти в палату и просить у Пети прощенья.

Утром институт наполнился студентами. Было 1 сентября — начинался учебный год. Кругом лежало этого года чхла на IV курсе Николай Николаевич, и студенты с интересом ждали его. Когда аудитория наполнилась, Григорий Потаповский заметил, что рядом с ним никого не сел. Его сосед предположительно перешел на задние скамьи, и он оказался на первом сиденье.

Гриша оглянулся и не увидел ни одного сочувствующего взгляда. Бешеные толпы не заметили его приливом к помощи, а Таня Потапова так небрежно оглядела Потаповского, что он увидел его впервые.

Потом чья-то выдала свою лежачую, Николай Николаевич сообщил куда-то в сторону Орлова. — Я хочу образоваться вас, — сказал он, — кризис окончился благополучно, температура упала, и большой толпой на пути к выздоровлению. Григорий Потаповский встал, подошел к окну, ожидая окончания первой лекции. Он бросился на улицу, накупил цветов и папирос и пошел к клинике.

«Не может быть, чтобы Петя забыл о нашей дружбе», — думал он. Петя сидел на раздале, что забывает товарища в критическую минуту?»

В палате на этот раз не было декламиров. Освещение погасло, и в комнате стало темно. Он видел, как вошли старшие товарищи. Но от них не падал его руки. Он сказал тихо, но внятно:

— Мы были с тобой большими друзьями. Каждый из нас свободно мог бы встать к тебе, да не дался в душе другого. Ты любил Таню, а я ее уважал. Трусость заставила тебя, Григорий, совершить две подлости сразу: ты оставил свою любимую в опасности и хотел при этом обмануть своего друга. Научившись тебе всем, этого своим товарищам — значит показать свою слабость. Нет, я не хочу быть слабым, Григорий, и поэтому давай выслушаем попороченное похорошению, чтобы никто больше не встретился с тобой.

«Петя надула на голову одиозного и не видел, как ушел Григорий.

ПРОЗЫ и северное сияние

Мы печатаем рассказ молодого писателя Сергея Безбородова о советской жизни на Земле Франца-Иосифа.

Сергей Безбородов в 1933—1934 году являлся в советской полярной экспедиции на остров Гукера Земля Франца-Иосифа в качестве метеоролога. Эти observations и заметки составили в мире научной публики стеной и своим стеном в мире научной публики.

За завтраком, когда вся заплата собралась в общей столовой и наш знаменитый, доктор Антон Наумович Мотейко, попусту называемый Наумичем, занял свое продолжительное место в конце стола, метеоролог Безбородов попросил у него разрешения обратиться к знакомому с воззванием.

— Вызываете, — сказала Наумич, — вызываете, пожалуйста.

Безбородов отодвинулся, оглядел заботливо и начал:

— Может быть, некоторым товарищам не вполне ясны принципы, на которых основаны наши магнитные наблюдения.

— Это что же, лекция, что ли? — громко перебрел его Сива.

Капор, собравший погодицы, Боря Синев относился к некоторым преобразованиям во всем, что не имело прямого отношения к собственной упряжке, промислу звезды, оготте и санным издохам.

— Нет, не лекция, — деловито продолжал Безбородов, — не лекция, но правда же! Так вот, товарищи, точность и правильность нашей работы зависит от того, чтобы ни в нашем магнитном павильоне, ни поблизости от него не было ни одного кусочка металла, железа или стали.

— А как же этот самый, ваш павильон-то построен? — выспрашивало спросил плотник Сморж.

— Он что же воздушном деревяный, из высушенных бревен?

— Безбородов поклонился Сморжу как заправский оратор.

— Извольте, — сказал он, — я объясню. Наш павильон, действительно, сделан без гвоздей. Без единого железного гвоздя, без единого кусочка железа.

— А крыша? — закричал Сморж.

— Крыша? Крыша, у нас медная, — ласково сказал Безбородов. — В тех местах, где при постройке павильона никак нельзя было обойтись без металла, мы использовали медь: медные плиты, медные дверные ручки, медную крышу — а железные гвоздей нет. Ни одного!

— Вранье, — сказала Сморж. — Не может быть! Как плотник говоришь: не может быть. Нет такого правды, что без гвоздей: это тебе не табулетка.

— Совершенно верно, — спокойно продолжал Безбородов. — Но дело не в этом. Многие товарищи, я замечаю, не только глумятся по поводу от павильона, например, с инженером, но даже и заходят к лаборантам в самый павильон. Присутствие металла сказывается на работе наших приборов и может просто испортить наши магнитные наблюдения.

— Совершенно верно, — крикнул Сморж, — ведь стоишь старинку аэрометр! — Когда пойдем к излиям павильона, очисти сими!

— Да, да, — невозмутимо продолжал Безбородов, — очисти сими! Мо с Числовым, когда идем к павильону, снимаем пояса, у которых железные пряжки, оставляем дома часы, перочные ножи, булавки.

— Пуговицы от штанов тоже дома оставляете? — серьезно спросил Боря Синев, и все громко и радостно захохотали: — Ахон!

— Вот это отбери!

Безбородов поднял руку, водворил тишину, потопил в кармане и захлопнул фуражку.

— Пуговицы, — сказал он, — мы давно уже оставили дома. Нам пришлось их перешить. Видите, костюмы. — Он опустил фуражку, сел и продолжал: — Но дело не в этом.

Я очень прошу всех товарищей, впоследствии, без меня или моего помощника Миши Числова в павильон не ходить, во-вторых, не гулять

около с металлическими предметами и, в-третьих, конечно, не носить никакой павильона ни баллонов с водородом, ни бидоны с бензином и маслом.

— Все-таки не может быть, чтоб без гвоздей! — опять сказал Сморж. — Я проверю. Я знаю такие места, где гвоздей должен быть обязательно. Уж я-то знаю, где его искать лучше!

— Ты действительно охватишь нам очень большую усадьму, — опять поклонился Безбородов.

— И охватишь! Очень просто! Вот увидишь, охватишь! Мы там.

Наумич перебрел его:

— Слышали, хлопцы, нечет железа? Анатолий Лукин вас просил, а я призываю вас не стесняться при глумлении, которые он сказал, исполнять беспрекословно. У нас, полярная экспедиция, а не караван. Слышали раз уж мы Анатолий Лукин задался, что кто-то, наверное, заходил в павильон с железом и испортил всю наблюдение. Теперь хорошо. Довольно портить чужую репутацию!

После завтрака Сморж отправился в павильон искать железные гвозди.

— А я собирался было идти к себе, когда меня в коридоре остановил Безбородов!

— Сегодня мы дежурим метеоролог? — спросил он.

— Я.

— Слышите, пожалуйста, было в 7 часов утра северное сияние?

— Было.

— Слышали?

— Нет, не очень. Даже, пожалуй, слабее. Так, в нескольких местах на небе были отдельные тучки огня. Но настоящего сияния не было.

— Безбородов задался.

— Что же это такое? — медленно проговорил он. — Я ничего не понимаю. Он опять задался, повисла бровями. Я молча стоял напротив него.

— Я попорчу вас, — заложил, сказал он, — сделать вот что. Вы в какие часы зарисовываете облака?

— С 7 утра и до 12 часов павильон час.

— Вот отсюда. Я сделаю такую кинематограф, куда попорчу вас записывать, бегунок ли в это время северное сияние.

— А в чем дело-то, Анатолий Лукин?

— Да, видите ли, такая история: у меня в павильоне стоит прибор, который фотографическим способом записывает впечатление оловянного магнитного поля земли. Вам это понятно?

— Как же, как же, — поспешно сказал я, — еще в школе как-то магнитные линии вокруг земного шара вычерчивали. Знаю.

— Ну, так вот. Время от времени этот прибор отмечает так называемые магнитные излучения. Тогда, когда влияние спящий не бывает. Я вот думаю, что это кто-нибудь ходит вокруг павильона с оружием или заходит в павильон. Но мы с Мишей проверили: зашли в павильон и все около аппарата странным путем творится. Проверяю его раз, в чем тут штука. Не может же быть, чтобы кто-нибудь сознательно заходил в павильон и портил нашу работу? Правда?

— Ну, конечно, — сказал я. — Делайте кинематограф.

Через полчаса Безбородов принес мне кинематограф и еще раз попорчу меня записывать в нее северное сияние.

— Потом мы сравним его с моими магнитными граммами, — сказал он. — Проверим в последний раз. Он поочередно. — Пойду посмотрю, что там

Сморж у нас в павильоне делает. Он ведь гвозди ищет.

— А можно мне с вами пойти?

— Пожалуйста, пожалуйста,—заволазовала Безгинский,—сделайте милость. Только уж поспешу вас опустошить карманы.

— А как же пуговицы?—засмеялся я.

— Ну на этот раз можно и с пуговицами. Вы не будете заходить в ту комнату, где у нас стоят самые чувствительные приборы.

Я выскочил из жарованов покоев, карандаш с металлическим наконечником, ключ, коробок с трубочным табаком, часы, две алмазные пуговицы и отвертку.

Мы вышли из дому. Так же, как и глубокой ночью, светила полная луна и дреко сияло звездами. А было уже 10 часов утра.

Еще издали мы заметили, что по крыше магнитного павильона движется жалкая темная фигура. До нас долетел грохот медной крышки под тяжестью сапожников.

— Идет,—сказала Безгинский.—Напрасный только это труд. Ну, ничего, пустой поидет.

Темная фигура на крыше вдруг исчезла.

— На чердак полез,—сказала Безгинский.

Мы подошли к павильону.

— Йорай! Йорай! закричала я.—Сморж!

Вылезая-бай вылезая! Искатель гвоздей! В чердачном алоке показавлся Сморг. В руках у него была зажженная свеча. Ветер сразу потушил ее.

— Ну, как?—закричал мне.—Напола?

Сморж молча вышел на алока, подошла по крыше, поискала, где пониже спрыгнуть, и тут-то обернулся на трубу. Он поскрипел к нам. Шинка его была в пням и шпунте. Он слышал шапку на затылок и смущенно развел руками.

— Нет,—сказал он с досадой.—Ни одного. Схватите на милость! Первый дом чужой яву. А уж и их помидла, сама те господи. И в Японии, и в Англии, и в Норвегии. Вот штука какая. Хотя паучь прямо...

Мы захохотали.

— Болячки-то я нашёл!—закричала Сморг.—Да болячки-то, верно, медные! Вот ведь окаяни!

А гвоздей—ничи!

Он постоял, строго посмотрел на павильон и задумчиво сказал:

— Есть еще одно местечко. Уж если там нет, значит нет.

Он даже этой популы...

— Не может потянуть из смелости! Среди этого не было! А тут вдруг—боя мошества. Не верю! Вранки! Полезу.

Он опустился на снег и полез на животе под крыльцо. На снегу оставалось только две его ноги, обутые в сапоги.

Безгинский подтолкнула меня локтем а китро подмигнула на ноги: ари, мол, дурак стелется... И вдруг с Безгинским что-то случилось. Он крепко схватил меня за руку и даже рванулся вперед, точно упал что-то необычайное.

— Смотрите,—кричал пролетая он.—Боже мой... Сапоги...

Я даже испугался. «Что за чорт, думаю: уж не съехал ли он?» А Безгинский прямо впился на сморжов сапоги, которые пошевелялись на снегу от движения их козлины под крыльцом.

— Ну, что сапоги?—сказала я.—Что с вами? Обмененные сапоги. Такие же, как у всех. Каменные.

— Боже мой, боже мой!—улавливая голосом проговора Безгинский.—В том-то и дело, что и у меня и у Мини Чистова такие же.

Он выпустила мою руку, медленно подошла к торчащим из-под крыльца сапогам, присела и короткими и стал в упор смотреть на подметки и каблук.

— Гвозди,—сказала он совсем умирающим голосом,—гвозди и в подметках и в каблучках.

Действительно, в два ряда, подковыкой, шли до шпороху каблук крупные, отполированные головки гвоздей. Головки поменьше, как блестящая железная стружка, тянулись вдоль всей подметки.

— В паре сапог будет не меньше ста грамм железа,—тихо проговорила Безгинский.—А в двух парях, в моих и в мининских, значит, две-

сти... Вот вам и загадка магнитных возмущений...

Сапоги вдруг дрыгнули, начал рить снег, поток покатился на нас. Из-под крыльца показались ватные штаны, потом с сапогами на плечи Сморг ползуче, наконец, выполз «важним ходом» и сам Сморг. Он встал, отряхнул сапоги, развел руками.

— Сестеростраивание,—сказала он.—Прямо хоть плачь!.. Ни одного гвоздя!

— Зато мы,—грустно сказала Безгинский,—нашли целых двести грамм...

—Смотрите... Сапоги...

КУПАНЬЕ

СТИХИ СЕРГЕЯ ОСТРОВОГО

Пока с птавоющихся сладен
Сходил скопом и вразброд,
Пока недвижия парход
И правый берег с левым сходен,
Пока как туча на немца,
Еще не принула молча,
Здесь, у сынутого образа,
Раскинув куртки и штаны,
Ложились вапни прихотливо
На голубые валуны,
Чтоб солнцу свежену в угоду,
Стая золотыми от песка,
Тутки столбом кидаясь в воду,
Ногой сбивая облака...

Я мог бы так расска оставить,
Но хорошо в распах реки
Лететь с валовой энергетикой
И за плеском ее остановить,
Но хорошо, нырнув ко дну,

Зажать песок в ладонь тугую
И несомую густую
Взвалить на плечи глубины
И под водой брести вслепую.
Но хорошо зарыться вглубь
В тот круг, где тонко вертеба пена,
И разом вымряться на плыва
Едва заметным выдохом руп.
И ласты...
И ласты...
Нивесть куда...
Быть ветру звонким попутником,
Чтоб давай славялся на нуты нам
И звонко пеналась вода.
Чтоб берег, хамнувший не вглубь,
Нас повстречал, как лучший друг,
Высоким солнцем,
Легкой дрожью,
Прохладу б вымши с наших рук,
Песок раскинул бы вокруг
И лег бы к нашему подножию!

О ДЕНЬГАХ, О БЕРКАССЕ И „НИЖИХ НАТУРАХ“

Рис. И. Семенова

Я люблю записывать свои встречи, разговоры с людьми. Профессиональная привычка! Каждая моя записная книжка полна записями личной жизни.

Я часто возвращаюсь к одной из своих последних записей — к беседе с молодым ставропольцем Петром Любимовым. Чувствовалось, что парня, обычно всегда ровного, веселого, что-то тяготило и мучило...

Петя рассказывал мне, что небольшая группа ребят из завода во главе его провоза. Его обвиняют в скупости, его прозвали «Плошкиным». Я давно знаю Петю Любимова. Он первый на заводе перестроил свое рабочее место. План он выполнял всегда на 200—250 %. Весь цех стал работать по его методу. Заработная плата Любимова и его товарищей увеличилась почти в два с половиной раза. Он зарабатывает до полутора тысяч рублей в месяц.

Можно ли считать его скупым, жадным? Петя, как и многие ребята, приобрел приличную мебель, пистолет, книги, велосипед. У него три хороших костюма, летнее ковертовое пальто. И этот человек скуп? Обвинение в жадности. Какое не верилось в то, что Петя, который — я знаю это — любил быть на концертах, часто посещал музеи, театры, прекрасно одевался, был поклад на скучня. Я не видел ничего предосудительного в том, что от каждой получки он откладывал на сберегательную книжку сто—двести рублей.

Но отчего же весь стар-бур авторема?

«Ах! товарищ Лея Ефимов — рассказывал Петя, — зарабатывает столько же, сколько и я, но ухитряется так тратить деньги, что обычно к концу месяца начинает «стрелять» по пистолету, десятку рублей у ребят.

Позволят ли он мне и просит одолжить являюся рублей. Я решил не дать, потому что он не вернул старого долга. Ефимов рассердился.

Вынул записную книжку и показывая:

«Лея — 50 рублей».

Купил за сорок рублей фланков духов и вылил весь фланок на голову.

Он еще больше забеспокоился: «Значит, товарищу не доверят, в комиссию записываю!».

Он стал распространять слухи, что я «Плошкин», морю себя голодом и все несу, несущ на книжку. Меня так все это возмутило и обидело, что я ему как комсомолец, как товарищ все высказал.

Я сказал, что мне не нравится его образ жизни. Деньги он бросает направо и налево, котин рубаш оставяет в кафе и ресторанах. Покупает в комиссионных магазинах всякую дрянь...

Работает Ефимов хорошо, образованно, а живет беспорядочно.

Совсем извлекли он потешил ребят такой англозой: открыл а магазин. Той-3, купил за сорок рублей фланков духов и вылил весь фланок на голову. Ребята посмеялись и разошлись.

Он забывает отдавать долги. Он любит всегда притворяться: «Свои анги — сочтены». Лея Ефимов считает, что все должны жить по его мерке. Я решил его прочтуть. Денег ему я не дал. Тогда он стал всем говорить, что Петя Любимов — скупящий и вообще дрянь.

Несколько ребят стали жонглировать, неудачно полагаясь, набрав встрет ко мной. Саша Егоридкин при встрече со мной снимает кепи и притворяется: «Привет вам и вашим своим тысячам с процентами, господин Работничка! Лея Ефимов со мной совсем не разговаривает».

Вот что я записал со слов Любимова.

Надо было видеть, как Любимов обо всем этом горячо и эмоционально рассказывал. Он, о котором можно писать в заводской газете, решивше относиться к своей репутации. И выдур эта ссора из-за денег с товарищем, обидные слухи, возникшие среди ребят, несвоевременность...

«Я долго не решился пойти к секретарию заводского комитета Виктору Думал: «Лучше это лучше обо с Ефимовым, и незачем спугивать я его комсомол».

Но односторонне стало в пистот. Я не выдержал, пришел в комитет и все рассказал, даже показал секретарию свою сберегательную книжку. Поворот он ее, посмотрел на меня и спросил: «На черной день собираешь, Петя?»

Я смущался не ожидал такого вопроса. На-когда не думал, что могут быть у меня черные дни — приключило в голову.

Виктор разошелся. Он прочитал лекцию. «Денги», — говорил он, — жалкая на книжку слухот, но не такая большими суммами. Вы-сказал, что ты, Любимов, не уверен в своем завтрашнем дне, следовательно, вернись в то, что можешь справиться без работы. До ре-шительного покая, отдавай на черной день, — почтал он меня, — потому что тогда не было уверенности в завтрашнем дне. А нам копить каждому по семи — десяти тысяч рублей не а лму. Это оскорбляет достоинство советского рабочего. Безобразно обращаться со своей заработной платой Ефимов, но не менее удручаешь меня и ты. Это две стороны одной медали».

П. Б. было совершенно правдами словами секретаря.

Может быть, действительно не следует собирать столько денег, потому что это может вызвать некое чувство собственности? А не хочется свои сбережения до десяти тысяч рублей. Была у меня такая своя контрольная цифра. Я хотел рассказать секретарию, зачем и для чего я откладываю на книжку, но он

...Приобретает в комиссионных магазинах разный хлам...

даже не заботы высчитывать меня, а все доказывал, что я мелкий собственник.

Через год — полтора я думаю поступить в институт. Придется уйти с производства. Я решил иметь несколько тысяч рублей, чтобы одолжить одежду, поехать в Сочи, если путевку не достанут, и наконец исполнить свою давнишнюю мечту — купить мотоцикл с коляской.

Неспроста и тяжело, как товарищ из до-работе, по комсомолу думаю, что ты «Плошкин», собственник, стяжатель, как назвала меня секретарь комитета. Но, может быть, действительно я испуга? Иногда мне кажется, что я правильно поступаю, и тогда я кончу гордый, готовый спорить со всеми. Не бывает так, что начинаешь подумывать, нужно ли быть таким хитрым своим денег, не утратить ли свою безразличность, а нет, как живут многие ребята, но, понятно, только не как Лея Ефимов. Я ведь молодой, здоровый, работать могу, зачем же отказывать деньгам? Стоит ли из-за денег терять друзей, их уважение?

Так и не пришел к твердому выводу. Встретил меня недавно Виктор и спрашивает: «Собираешь деньги? Он допрашивается, Петя!»

Что он этим хотел сказать, не знаю...

На этом заканчивается моя записка.

Петя Любимов немаленько вступил в конфликт со своими товарищами по работе. Подлеца его, выхолодит, бережливость — черта закона, оправданная и даже необходимая, по-моему, для нашей молодежи. Нормально ли это?

Павлы, рассказавшие мне комсомольцем Любимовым, заслуживают внимания нашей молодежи — читателей журнала «Смена».

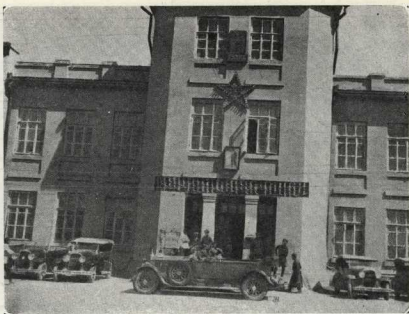
И. СЕМЕНОВА

Е. ВИНКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мног читателям читателей, на очерк Е. Винокова. Отклики будут напечатаны в журнале.

16

Здание правительства Монгольской Народной республики в Улан-Баторе.

и автомобили и верблюжьи караваны...

гоми, Г. Грэм-Гринмайло, насчитал здесь 291 породу птиц.

Такой общий облик и природа этой большой страны, территория которой (1 500 000 квадратных километров) равна Англии, Франции и Германии, вместе взятым. В этой стране живет (по данным переписи 1934 года) около 900 000 человек.

Рядом с Внешней Монголией существует еще Внутренняя Монголия, состоящая из провинций Илэд, Чжаэр, Суйюнь и Нинься, в которых живут примерно 3 500 000 человек. Официально вся Внутренняя Монголия принадлежит Китаю. Не деле незначительная ее часть занята японскими войсками, а в остальной орудуя японские ставленники — монгольские князья.

Совершенно иначе сложилась судьба Монгольской Народной республики.

Не рассчитывая на то, что бесслышный Китай сможет окрестить Внешнюю Монголию от японско-нашествия, массы этой страны сами стали строить свою республику, опираясь на могучую поддержку Советского союза.

Так возникла Монгольская Народная республика.

Что мы знаем о прошлом Монголии? Здесь безраздельно владели феодальные князья и ламы (представители духовного сословия). Там здесь особенно много. До революции их армия составляла чуть ли не половину всего мужского населения страны. Князья и ламы владели скотом в лучшем издании, а монгольская беднота жила на положении рабов.

В Монголии хозяйничали китайские купцы, цари, чужие чиновники и, наконец, японские империалисты. Одним из первых появившихся здесь агентов японского империализма был белокараусейский атаман Семенов. Он был вдохновителем контрреволюционного движения, лозунгом которого была «Великая Монголия от Байкала до Тибета и от Маньчжурии до Синцзяна». Состоявшийся при поддержке Семенова панмонгольская конференция в Петербурге 1919 года послала даже свою делегацию на всероссийскую конференцию, но японцы преступительно задержали ее, опасаясь, что игра вышла слишком далеко. Этой неразберихой воспользовался китайское правительство и, подкупив японских интригов, в 1919 году подчинило себе Внешнюю Монголию. Хозяином страны стал один из лидеров бойкотного японофобского клуба Ануру генерал Сой Шун-чжен.

Но восстановление китайского господства вызвало протест со стороны трудящихся масс Внешней Монголии.

Трудящиеся и переломная интеллигенция страны создали в апреле 1920 года монгольскую народно-революционную партию, которая и стала организатором революционно-освободительной борьбы в

стране. Основателем партии был ваборщик Суз-Батор, званием которого и названа теперешняя столица МНР — Улан-Батор.

С помощью Советского Союза Внешняя Монголия переставляет заново свою жизнь.

Богатство страны — скот — принадлежит сейчас не князьям и духовенству, а трудящимся скотоводам — кэрганам.

Раньше единственными «культурными» центра-

Монголии в народных костюмах.

ми Монголии были монастыри. Сейчас в МНР 59 начальных, 3 средних школы, 4 техникума, 67 пунктов для обучения взрослых и несколько специальных учебных заведений.

Часть монгольской молодежи учится в разных учебных заведениях СССР, в том числе и в Москве.

В Улан-Баторе выходит 5 газет и 9 журналов. Создан свой национальный театр. Бурно растет промышленность.

В Улан-Баторе построены электростанция и промышленный комбинат, из которых работают 1200 рабочих. Возник и ряд других предприятий: текстильный завод в Алтан-Булае, кирпичный завод и др. Работают каменнотопальные котлы. Торговля, ранее находившаяся в руках китайских купцов, теперь почти целиком осуществляется кооперацией.

По своему государственному строю Монгольская Народная республика — буржуазно-демократическая республика нового типа, закладывающая основы для социалистического пути развития. Правительство МНР выбирается всем трудовым народом. Высший орган власти — Великое народное собрание (Ихе-Хурал), собирается раз в три года и выделяющее для исполнительных работы Малый хурал (Бага-Хурал), который формирует совет министров. Страна делится на так называемые аймаки (округа), аймаки — на сомон (районы).

Восстает трудящиеся массы МНР в борьбе за независимость монгольской народно-революционной партии, имеющей около 7500 членов. Примерно столько же часов имеет революционный союз молодежи Монголии, охватывающий КИМ.

Замечательные успехи МНР тревожат японских империалистов. Они бы неперво захватить эту страну и покорить ее.

Японская военщина делает план через Монголию напасть на СССР, чтобы отрезать Дальний Восток и ударить в тыл Красной армии. Этим и объясняются провокационные налеты на территорию МНР.

После исторических слов вождя народов товарища Сталина в беседе с Рой Говардом, после подписания советско-монгольского протокола о взаимной помощи МНР может быть спокойна за свою судьбу.

Тот, кто пометит спутника в ее пределах, встретит со стороны Красной армии такой отпор, который навсегда отобьет охоту у империалистов зазевать в чужой огорок.

Английский футбол

Очерк Н. ОГАНЕСОВА и А. АНДРЕЕВА

Быстрый бег, блестящая техника владения мячом отличают игру английских футболистов. На снимке: Хульм из нападения «Арсенала».

Современный футбол родился в Англии. Футбол в Англии — самый популярный, самый массовый спорт.

Ничемне армия, не принадлежат такого громадного количества зрителей, как футбольные матчи.

Когда англичане играют в Европе, газеты неизменно отмечают исключительно блестящую технику и «спортивную» богатую комбинационную игру.

В основе этой блестящей техники английские футболисты имеют давнюю, упорную тренировку.

Тренинг английских футболистов — это целая система, разработанная до мельчайших подробностей. Она предусматривает все элементы физического развития игроков.

— Какого должен быть настоящий футболист? — спрашивают англичане и тут же отвечают:

— Он должен быть всеполюсным развитым спортсменом, атлетом, сильным и выносливым человеком, который быстро разбирается в сложнейших вопросах игры.

Система тренировок и отвечает этим требованиям.

Английский профессиональный футболист постоянно играет в год, кривет, отлично гребет.

Он кроме того бегает на спринтерские и стайерские дистанции. Хороший игрок нападения не имеет права бегать 100 метров тише чем в 11 секунд и кроме того должен, не выдыхаясь, бегать и 400 метров и 1000 метров. Он должен уметь бегать кроссом. Для него не является секретом и барьерный бег.

Одни из существовавших элементов тренировок — ходьба. Ничто так не развивает и не укрепляет мышцы ног: Английские футболисты излагают за день немалые расстояния.

Вот почему английские выдерживают самый сильный темп, несколько его не сбавляя в течение всех 90 минут игры.

Помимо практики английские футболисты занимаются и теорией игры. Тренер вместе с игроками на демонстрационных досках разбирает самые матчи, детально их анализирует.

На эти теоретические тренировки решается, как должен поступить игрок в каждом отдельном случае, что сделал бы такой-то в таком-то случае и было ли бы это хорошо или плохо.

Тренировка делает из многих игроков настоящих мастеров футбольного искусства. Какого совершенства достиг, например, Бестин, один из лучших английских форвардов! От его удара мяч всегда с математической точностью идет в назначенное место.

Одни из европейских журналистов видел тренировку футболистов клуба «Потензия». Игроки стояли в кругу и, не спеша с места, тренировали игру головой. Больше 40 минут мяч, как закованный, перелетал от одного к другому, ни разу не упав на землю.

Стал игрок английских профессионалов отличается прежде всего богатством комбинаций. Англичане никогда не позволяют игроку «запутаться»: мяч с молниеносной быстротой передается от одного игрока к другому. Не может быть у английского профессионала удара «просто так». Пас должен быть передан туда, куда этого требует игра.

Норматив искусства, с которым игроки владеют мячом. Про знаменитых Дженкса, Бестина, Дрейка, Коммелла и других мастеров нападения говорят, что их мяч прилежал к ногу! Это правильно. Когда атака нападения подает к неприятельскому воротам и мастер «дубль-шот» (обводка) получает мяч, он всегда пройдет с ним к воротам и там, в зависимости от положения, либо сплестет либо ударит.

«Меня удивляет», — писал как-то Дрейк, про славянский центр нападения команды «Арсенал», — что даже хорошие европейские мастера терпят у ворот топта, когда надо бить. Этого не бывает с английскими игроками.

В Англии принята система игры, называемая «дубль-шот». Суть ее в том, что в паттере нападения оба полуфорварда отступают назад. Это усиливает линию защиты. Нападение в основном ведется обоими крайними и центром. Эта тройка должна в совершенстве обладать теми качествами, о которых мы говорили выше. Зато за ней несколько линий защиты, а когда нужно будет, полуфорварды всегда окажутся на своем месте.

Систему «дубль-шот» сейчас внимательно изучают на континенте. Многие европейские клубы футболистов уже перенимают ее.

Спортивный профессионализм в Англии имеет свои гласные традиции. Иначе и не может быть в условиях буржуазного общества. Игрок — движимая собственность клуба. За него заплачены деньги, и в любой момент его могут перепродать другому клубу. Салома и ридом за игрока получают громадные куши, но сам он довольствуется весьма скромным жалованьем.

Поскольку за игрока заплачены деньги, клуб охраняет здоровье футболиста. Его страхуют от увечий. В этом сезоне 7 игроков «Арсенала» вострававшимся клубом на 36 тысяч фунтов страдало.

Чем игрок известнее, тем он дороже. Неодорогие чемпионы стоят целые состояния. 10 тысяч фунтов скотландские знамениты «Арсенала» Александера Дженкса.

Дженкс, действительно, игрок исключительного мастерства.

Во время встречи с Италией в 1934 году футболисты Англии еще раз доказали свое превосходство. На снимке: момент игры. Дрейк (в центре) проявляет сию же защиту итальянцев.

Уалли Рейд, Стив Баумер — эти имена принадлежат истории футбола (до сих пор с восхищением вспоминают блестящую игру и быстрый бег Рейла).

Алекс Джемс удостоился большой чести стоять рядом с этими легендарными именами, войти в историю футбола, еще не сойдя с футбольного поля.

Джемс играет левого полузащитного в нападении «Арсенала». Именно ему — в немалой степени обязан «Арсенал» своим триумфам за последние годы. Джемс — неотъемлемый игрок, виртуозно владеющий мячом. Его называют «блуждающим форвардом», так как во время матча он бывает в любых местах нападения и обладает феноменальной выносливостью. «Джемс — чудо, лучший форвард Британской империи», — утверждают обычно хладнокровные английские газеты.

Мэйл и Хангуд — прославленные защитники сборной Англии. Это та знаменитая пара «неубойной» защиты, о мастерстве которой разбираются все атаны неперетяжелого нападения.

Бэстин — один из тех немногих, которых считают незаменимыми. Предостаточно само Ру, секретарю Футбольной Ассоциации Англии: «Мы имеем только несомненно, трех или четырех игроков такого класса, что их нечем заменить. Из этих игроков первый — Бэстин, так как он с одинаковым мастерством играет в любом месте в нападении и уже на этом основании принадлежит к экстраклассу». Ру, может быть, слишком сдержан. Бэстин знает, пожалуй, все права на звание лучшего игрока нападения. Это блестящий комбинактор, игрок исключительной техники. Подачи Бэстина, точность его ударов вошли в пословицу.

Тадж Дрейк, гордость «Арсенала», — непревзойденный центр нападения. Высокий рост, отличные физические данные, прекрасный бег и ко всему этому великолепная техника, блестящая обводка и пущенный удар по воротам — отличительные его свойства.

Можно было бы привести еще много имен, но для всех не найдется места в этом очерке.

Самый английский профессиональный футбол — 22 команды, а всего в Футбольную Ассоциацию Англии входят 40 тысяч любительских клубов, объединяющих 750 тысяч человек, и 400 профессиональных клубов, объединяющих 7 тысяч человек.

Англичане считают себя сильнейшими футболистами мира. Решив это раз навсегда, они не принимают участия в розыгрышах первенства мира.

Большее того: они считают официальными международными встречами только матчи, сыгранные на английской территории. Таких матчей Ассоциация утверждает не более одного — двух в год.

Ежегодно Англия встречается с самым своим опасным соперником — Шотландией. Встреча этого года закончилась ничью: 1:1. На снимке: Сагар, вратарь Англии, выбивает мяч.

Отказавшись от участия в розыгрыше первенства мира в 1934 году, англичане согласились встретиться в Англии с победительницей этого первенства — Италией. Англия выиграла со счетом 3:2, а Италии пришлось проститься с надеждами на мировую гегемонию в футбол.

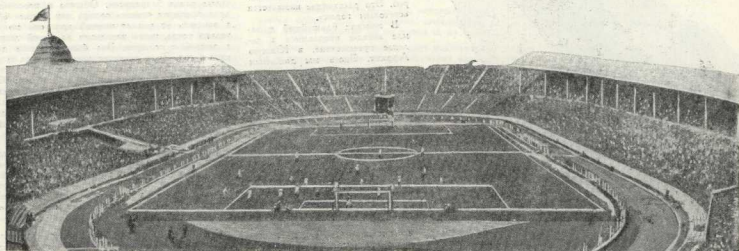
В 1931 году ужасное поражение терпит сборная Испании, ворота которой защищал знаменитый Замоора. Англия буквально разгромила испанцев, выиграв со счетом 7:1.

В 1932 году сборная Австрии проигрывает англичанам 3:4. В 1933 году Англия бьет Францию — 4:1 и в 1935 году Германию — «сухим» счетом — 3:0.

Англия — родина футбола, и наш, советский, быстро растущий футбол возьмет у англичан все накопленное ими знание и опыт. И как знать, не наступит ли скоро час, когда сборная СССР будет первой европейской командой, которая выиграет матч у сборной Англии на знаменитом Уэмблском стадионе?..

Алекс Джемс — знаменитый игрок нападения, вошел в историю английского футбола.

На финальных играх, когда разыгрывается кубок Англии, трибуны Уэмблского стадиона всегда бывают переполнены. Десятки тысяч зрителей с напряженным вниманием следят за борьбой сильнейших команд.

Тисекунда

1. ПЕРВОЕ «СОВЕТСКОЕ»...

19 июня, ранним утром, тень луны вступит на территорию Советского союза. Она пройдет около Туапсе, пересечет Северный Кавказ, Нижнюю Волгу, Казахстан, Оренбургские степи, Сибирскую излучину — через Омск, Томск и Красноярск, северную оконечность Байкала, Дальневосточный край... Попадая здесь в СССР, лунная тень сойдет над Северной Японией и исчезнет в Тихом океане.

Это будет первое полное «советское» затмение. Скрыть солнце от наших глаз на узкой полосе шириной в 130 километров, лунная тень начнет свой первый пробег над необитаемыми землями Советской страны, 7200 километров промчится она над трупами японских солдат, над бесчисленными трубами наших заводов и фабрик.

Поговорите с нашими астрономами, и, не спрашивая дозволения, они скажут вам, что им действительно «повалов».

Затмение 1936 года будут наблюдать как частичное во всей Европе и Азии, но полную фазу солнечного затмения лучше всего можно будет видеть только с территории СССР. Лунная тень сойдет над обитаемыми и населенными районами, где возможна организация полного и восторженного наблюдения этого исключительного явления природы, которого в Англии, например, не удавалось видеть уже в течение 200 лет.

Достоинство сказать, что следующее солнечное затмение — 8 июня 1937 года — можно будет наблюдать только на трех небольших коралловых островах, находящихся в Тихом океане...

2. ЧТО ЖЕ ПРОИЗОЙДЕТ?

Прежде чем рассказать нашим читателям о том, что происходит во время солнечного затмения, нам хотелось бы довести до них ощущение бесконечности космического пространства, в котором планета наша вращается вокруг солнца, а Луна — вокруг земли. Напомним, что луч света распростра-

отраженным светом солнца. По сравнению с огромным количеством света, идущим от солнца, Луна кажется нам почти единственной. Это происходит благодаря огромной разнице в расстояниях, отделяющих от нас Луну и солнце. Именно благодаря этому изотопному тьму Луны, став между землей и солнцем, может на короткое время совсем заслонить от нас огромную массу солнца, и тогда произойдет полное солнечное затмение.

Тень, отбрасываемая шаром Луны, вытягивается в прожекторный конус. Утая на поверхность земли, она как бы протачивает по ней темную полосу, в пределах которой перестает быть видимым солнце. Тень эта перемещается с запада на восток вместе с движением Луны.

Солнечное затмение происходит всегда в новолуние, когда Луна перестает быть видимой на нашем небе. Но Луна продолжает свой путь вокруг земли в 29 дней, и каждый год бывает 12—13 таких новолуний. Если бы Луна вращалась вокруг земли в той же плоскости, как земля вращается вокруг солнца, то в каждое такое новолуние мы должны были бы наблюдать затмение солнца. Однако этого не случается, потому что плоскости их вращений наклонены друг к другу около 5 градусов. Обычно в новолуние Луна проходит «мимо» солнца или «ниже» его, а закрыть от нас солнечный диск она может только тогда, когда находится на одной линии с землей и солнцем. Это бывает только два раза в год. Зная размеры Луны и солнца и их расстояния между собой, астрономы рассчитали, что диаметр лунной тени равен в среднем 373 тысячам километров. Вращаясь вокруг земли по эллипсу¹, Луна то приближается к земле (максимальное приближение — 356 800 километров), то удаляется от нее (максимальное удаление — 406 200 километров).

Таким образом, астрономы, вычисляя затмение, должны считаться в основном с тремя главнейшими условиями: 1) нахождением Луны на одной линии с землей и солнцем; 2) длиной контурной тени, отбрасываемой Луной; 3) расстоянием в этот момент между землей и Луной.

С такой же точностью, как инженер-строитель производит расчеты своих железобетонных конструкций, современный астроном может за мино-

нется в этом пространстве со скоростью 300 тысяч километров в секунду. В год он проходит 93 миллиардов километров. Это расстояние называется «световым годом».

В поисках ближайшей к земле звезды отправился в далекое путешествие, в Южную Африку. Здесь мы дождемся выступившей Луны и, подняв телескоп, сможем увидеть ближайшую звезду, недоступную для наблюдения на северном небе.

Это Альфа в созвездии Центавра. Ее отдалает от нас расстояние в 4½ световых года. Курьерский поезд, идущий со скоростью 100 километров в час, без остановок, пройдет это расстояние в 46 миллионов лет.

После этого может показаться, что солнце находится совсем «близко». Его отдалает от нас «нищего» 8 минут и 13 световых секунд, или 149 миллионов 500 тысяч километров. Но все же рекордсмен, позволявший достичь солнца, должен был бы сесте в наш курьерский поезд годовалым ребенком и прибыл бы к месту назначения 180-летним старцем.

Луна же, неизменный спутник нашей планеты, вращается вокруг земли на расстоянии всего лишь 380—400 тысяч километров. Она давным-давно поглотила и светит «украденным»,

¹ Эллипс — форма, напоминающая несколько вытянутый круг.

Полоса полного солнечного затмения 19 июня 1936 года.

го лет вперед рассчитать будущие солнечные затмения, определив их характер (полное, частичное или кольцеобразное¹⁾) и указав пункты земной поверхности, в которых можно будет их наблюдать.

3. ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ МИНУТЫ

151 секунда — такая максимальная продолжительность полной фазы солнечного затмения. 2½ минуты — вот тот максимальный срок, в течение которого затемненное солнце будет доступно наблюдениям астрономов. К этим минутам советские астрономы готовились несколько лет. Из-за этих полутораств секунд сжаривались десятки научных экспедиций, напряжались работы советские оптические заводы, десятки иностранных ученых съезжались в СССР со всех концов мира... Чем же дорожили для ученых эти короткие и редкие минуты полного затмения солнца?

Валюту до середины XIX века ученые не могли еще признать как каким-то определенным веществом, объясняющим появление в минуты затмения вокруг луны жемчужно-серебристого венца и розовато-красных выступов, «подобных языкам пламени». Только в 1850 году итальянский астроном Секки категорически заявил, что все эти явления — отнюдь не оптический обман, а следствие каких-то реальных физико-химических процессов, происходящих на солнце.

Очень давно, еще в XVII веке, индийский студент Кембриджского университета Исаак Ньютон доказал, что свет, испускаемый солнцем и другими звездами, состоит из смеси различных лучей — результат сложения нескольких цветных лучей. Цветное изображение солнца, которое получалось, на стене после преломления его лучей в призме, Ньютон назвал «спектром». Уже тогда Ньютон утверждал, что свет состоит из той же природы, что и свет звезд... В дальнейшем, в XIX веке, Фраунгофер, Кирхгоф, Бунзен и другие — позволили сформулировать при опытных законах так называемого «спектрального анализа», продолжившие пути к eventually удачному от нас на десятки миллионов

Первый из этих законов говорит, что все раскаленные твердые или жидкие тела испускают непрерывный, семицветный, одинаковый

Второй гласит: раскаленные пары и газы дают спектр из отдельных светлых линий определенного (для каждого газа) цвета. Какому газу или пару принадлежит та или та спектр, можно узнать и по числу этих цветных линий и по месту их расположения в спектре. Возможность фотографировать эти спектры облегчает их регистрацию.

Третий замечательный закон, на котором строится наше изучение солнца, формулируется так: всякое газообразное тело способно погло-

щать такие же точно лучи, какие оно само испускает в раскаленном состоянии.

Еще в начале XIX века было замечено, что солнечный спектр представляется не сплошной радужной полосой, а полосой, пересеченной множеством темных линий и полос.

Очевидно, лучи раскаленной массы солнца проходят через толщу относительно холодных газов, окружающих солнце, и эти газы и пары поглощают лучи различных цветов. Поэтому солнечный спектр и представляется нам пересеченным рядом темных линий.

Сравнивая эти темные линии солнечного спектра с тем, как располагаются при лабораторных опытах светлые линии тех или иных газов, мы и можем установить, какие именно пары и газы находятся в раскаленной атмосфере солнца.

Так удалось с математической точностью до-

4. НЕМНОГО ВОСПОМИНАНИЙ

Недавно нам пришлось просматривать воспоминания астронома Щербатова — участника экспедиции для исследования сочинского затмения в 1887 году. Перед нами возник образ малой группы интуитивно-астрономов, которые возмужали со своим отец несложными инструментами в дощатом балагане, выстроеном при этом деле в сонном уездном городишке Орешке. Вокруг стояла вразброд толпа зрителей, прозиравшая разноты барак. Гие-то затаем находилась полурота солдат, охранявшая спокойствие несчастных астрономов. Два иностранца представляли в этой экспедиции всю международную астрономию!

И вот прошло 50 лет...

Накануне солнечного затмения этого года бесконечные запросы и предложения приходили к нашим астрономам со всех уголков необъятного Союза. Писали учащиеся, рабочие, школьники. Требовали инструкций, литературы, предлагали именно в их деревне разбить лагерь ночной экспедиции...

Одно за другим выходят специальные издания, посвященные затмению, для самых широких кругов советского населения. Советские заводы автомобильной промышленности для массовых отправок в самые различные точки колес затмения. В Советский союз — в ту же Москву — съезжаются делегации из США, Франции, Чехословакии и т. д. И поное затмение 19 июля 1939 года, которое превращается в такое же великое, волнующее общественное событие для всей страны, как физиологический колосс 1939 года, как колосс «Чайнатав» — чемпионский турнир международного шахматного турнира. Никогда в истории человечества ни один народ не ждал затмения индустриальной и замечательной жизнью, какой живут сейчас народы Советского союза.

Греческий историк Геродот рассказывает, что затмение солнца 20 мая 584 года до нашей эры прекратило битву между акийцами и мидянами. Сейчас другие времена — и мы знаем, что никакие затмения не останавливают японских захватчиков и германских фашистов, готовящих нападение на нашу страну. И тогда в ряды бойцов за наше отечество оказались и артиллеристы, и колхозники, и рабочие, и астрономы...

Инженер А. Вадар собирает фотоустановку для наблюдения
солнечного затмения с аэроплана.

казать, что в атмосфере солнца есть водород, железо, азот, углерод, натрий и т. д.

Любопытно, что гелий — газ, который используется сейчас для наполнения дирижаблей, — был открыт впервые не на земле, а на солнце.

Полное солнечное затмение дает исключительные возможности для изучения внешних слоев атмосферы, окружающей солнце. Ведь только во время полного затмения становится видимой и доступной наблюдению и фотографированию стресто-голубая «корона» солнца и его хромосфера, дающая розоватую полосу у самого диска луны.

Чрезвычайно интересные данные должны дать наблюдения над влиянием затмения на магнитное поле земли. Наблюдения за прохождением радио-волн во время затмения дадут нам материалы о физике стратосферы и т. д.

Следовательно, не даром ученые целого ряда стран съехались в Советский союз наблюдать затмение.

С помощью этого аппарата во время солнечного затмения проверялась правильность теории относительности Эйнштейна.

¹ Когда луна далека от земли, конус ее тени не достигает земной поверхности и во время затмения от солнца остаются светлые пятна.

ОБ ИСКУССТВЕ БУДУЩЕГО

Студент П. Дьяченко обратился к писателю А. Н. Толстому с вопросом о судьбе искусства в бесклассовом обществе. Мы помещаем письмо Дьяченко и ответ Толстого.

К интересному вопросу, затронутому в этих письмах, «Смена» еще вернется в специальной статье.

Каждый читатель «Смены» может через журнал обратиться с интересующими его вопросами к мастерам литературы, живописи, скульптуры, театра, кино.

Письмо А. Н. ТОЛСТОМУ

Многоуважаемый Алексей Николаевич! Я решил обратиться к Вам за разрешением одного вопроса, который меня давно волнует.

Я люблю литературу, музыку, театр, кино, словом, любое искусство. Искусство возмужает меня, дает мне силы и развивает вкус к жизни. Больше всего я питаю любовь к литературе.

И вот, читая художественную литературу, я замечаю, что самым большим успехом пользуются те произведения, а основу которых составляют сильные противоречия.

Изображены типы людей, представителей классов, типы эти сильны и характерны. Силами потому, что борются с врагами, с враждебными классами. Характерны потому, что обладают привычками и страстями своего класса.

Можно привести много примеров. Вам они известны. Ведь Вы сами на X съезде комсомола говорили: «Канитализм не в себе смертоносное противоречие интересов буржуазии и пролетариата. Это и другие противоречия и были той запальной искрой, которая заиграла гениальныя писателей XIX века».

Самые сильные противоречия—это классовые противоречия. И произведение может быть сильным тогда, когда в основу его положены противоречия, следовательно, борьба. Из законов диалектики известно: где нет противоречий, там нет и борьбы.

Что будет с нашим искусством в дальнейшем, когда коммунизм станет реальностью и не будет классовой борьбы, когда техника познания на немыслимую высоту, создаст настанет борьба с природой и останется лишь одна проблема? Не слишком ли мало этого для того, чтобы создать такую боевую литературу, о какой говорил тов. Косарев на съезде, и не достаточно ли этого, чтобы разрабатывать оружие искусства?

Исходя для проверки своих мыслей творческий путь крупных художников, я убеждаюсь в том, что у большинства из них были большие личные трагедии, вызванные внешними обстоятельствами.

Они познали горе всей глубиной своей души. Они, следовательно, могли оценить полной стоимостью и счастье.

Они могли создавать образы людей, представителей сильных и угнетенных, счастливых и несчастных. Они как бы побывали в ролих всех своих героев, противопоставили их переживания, а то и сами пережили.

Но все это возможно лишь при внешнем воздействии действительности на их сознание, на их разум, на их чувства и нормы поведения. В бесклассовом обществе мы не будем иметь острейшей борьбы. Не обретет ли это обстоятельство литературу на загнивание?

Уважаемый товарищ Толстой! Если Вас не затруднит, пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

С приветом студент Московского
рыбного вуза П. Я. ДЬЯЧЕНКО

Ответ А. Н. ТОЛСТОГО

МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ ДЬЯЧЕНКО!

Искусство всегда возникает при наличии противоречия—это или самая борьба или отражение борьбы. Глубокий (марксистский) анализ устанавливает, что в основе всех общественных противоречий, в том числе внутренних противоречий отдельной личности, лежала борьба классов. Разумеется, Шекспир, или Байрон, или А. Н. Толстой и другие не думали подчас о классовой борьбе, когда творили, но думали потому, что некоторые на них даже и не имели понятия о классовой борьбе.

В нашей, советской литературе были попытки изображения классовой борьбы. Писатели пытались с набегом спуститься к фундаментам и, так сказать, «обнажить» противоречия. Но это не увенчалось большим успехом (за исключением разве Шолохова), не увенчалось потому, что получился примитивизм, упрощение. А эти свойства менее всего соответствуют сложности нашей эпохи, сложности нашего мышления и сложным методам науки.

Тем временем мы быстро приближаемся к тому состоянию советского общества, когда структура его первый раз в истории человечества не будет знать классов и классовых различий. Таким образом Ваш вопрос вполне уместен. Что же останется тогда с искусством?

Человечество еще очень молодо. Оно прошло только небольшой отрезок огромного пути, разворочено перед нами.

Малая часть этого небольшого отрезка охватывается исторической наукой и принадлежит истории культуры. Это как раз период классовой структуры человечества (сейчас можно установить, что этот период обнимает около 10 тысячелетий). До нас дошла история этого периода—нашей, в «исторические» времена—искусство этого периода, когда человеческие племена жили лишь с остатками классовой структуры. И тем не менее от этого доисторического периода до нас дошло огромное искусство—это скачки, песни, мифы. База этого искусства—не классовая борьба, но борьба человека с природой и познание глубин человеческой души.

На смену этому древнейшему искусству пришло искусство времен классовой борьбы. Оно пришло, яркое и полнокровное, вместе с металлическим оружием и усовершенствованным производством, вместе с машиной, письменностью, кораблестроением и т. д.

Точно так же в наши дни на смену старой идеологии новая общественная структура (мы имеем в виду бытие ее социальными) вместе с новыми темпами жизни, новыми усовершенствованиями техники и новыми достижениями науки.

Почему же вы думаете, что новая, социалистическая эпоха не внесет на зрелище новое искусство? Противоречия и борьба будут перенесены в другие области, но противоречия и борьба останутся всегда. Новая мысль, что бесклассовое общество будущего прерастет в сплошное счастье бездумное доносительство. Вожди и социалисты социализма: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин—указ на то, что бесклассовое общество будет миром неслыханного равноправия развития человеческого творчества.

Борьба будет, лишь дела ее станут другими. Арены борьбы станут внутренним мир человека, этого сложнейшего, гениального, почти совсем не изученного и не вскрытого феномена.

Арены борьбы будут дальнейшее овладение тайнами природы и дальнейший технический прогресс, процесс которого не существует.

И мне кажется, что только сильное человечество подойдет к истокам будущего и неbiaлово по глубине и силе искусства.

Искусство станет пониманием. Оно насытится элементами философии и науки. Оно пойдет к широкому потребителю, который будет миниатюрно культурен и требователен к своему вкусу.

Вот как-какие мои соображения.

Принет. АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.

РАХМЕТОВ

Статья А. КИПРЕНСКОГО

Рис. И. ГРИНШТЕИНА

7 июля 1862 года Чернышевский был арестован, и привезен в Алексеевский замок, Петропавловской крепости.

Несмотря на суровость одиночного заключения в мрачной каменной камере демократ и мужественный революционер продолжал много работать. 14 декабря 1862 года он начал, а 4 апреля 1863 года закончил свой знаменитый роман «Что делать?».

Напечатанный в книжке некавказского журнала «Современник», роман этот оказал огромное революционизирующее влияние на несколько поколений молодежи.

Роман горячо обсуждали на студенческих собраниях: Радкая вечерняя обходилась без споров о разных вопросах, затронутых в романе. Многие из числа передовой, революционно настроенной молодежи читали так же деятельно, что и герои «Что делать?».

Несомненное влияние романа не ограничилось, однако, современной ему эпохой: крепкие нити протягиваются от него и к нашим дням.

Н. Куртская рассказывает, что Ленин прекрасно знал, «Что делать?», знал до мельчайших деталей.

Рудольф Коминтерн тоже, Дмитрий из антифашистского вечера в Союзе писателей говорил: «Я вспоминаю: что в литературе оказало на меня особо сильное впечатление в дни моей юности? Что повлияло на характер моей борьбы? Должен сказать прямо: это была книга Чернышевского «Что делать?». Выдержка, которую я приобрел, и для своего участия в рабочем движении в Бомбштадте, выдержка, уверенность и стойкость до конца во время Лейпцигского суда — все это, несомненно, имеет связь с художественным произведением Чернышевского, прочитанным мною в дни юности («Левая» от 4 марта 1935 года).

Чем не знаменитый этот роман? Чем восхищались нас его герои?».

С началом весеннего ветра революция, бодростью, жизнедеятельностью, аэрой в торжестве провозглашаемых идей веет от романа. Для того чтобы записать такое произведение в записную книжку, нужно было обладать мужеством и преданностью борца, охваченного беззаветной любовью к будущему, вдохновенным мыслитель-политиком, для которого влияние личные выгоды не могли заслонить величия вечной мечты.

Благороднейшими своими чертами Чернышевский наделял героя романа — Рахметова. Могуче, смело вышедшее из силых фигур Рахметова обаяло романом сильнейшим своим влиянием.

Среди «новых людей», изображенных в романе, Рахметов — особый человек. Он организатор революции. Что это значит? То, что он всецело отдает себя борьбе.

Сюжетной основой романа является история любви Веры Павловны, Лопухина и Кирсанова. Это люди нового типа, свободные в своих отхождении от предрассудков и традиций, находящие смысл жизни в труде и общественной работе.

«Через минуту Рахметов сел прямо против меня, всего только через небольшой стол у дивана, и с этого-то расстояния как-нибудь полуторжественно начал смотреть мне в лицо на всей силе» (Чернышевский «Что делать?»).

Когда брак Веры Павловны и Лопухова, основанный на взаимной привязанности и уважении, потерял свою силу, они как свободные люди разошлись, а Вера Павловна сохранила свою судьбу с Кирсановым. Вряд ли всего этого «поняли» это место романа так, что Чернышевский проповедует «коммунизм мужчин и женщин», «амансацию плоти», тогда как, по справедливому замечанию Пасихова, роман проповедовал вышестоящую (освобожденную) человеческую душу, человеческого разума.

Новые люди учатся, работают, вдохновляются идеями свободной, творческой жизни. Вера Павловна изучает медицину, Лопухов владеет ее в круг своих наук и интересов, да-

«...Точно так же я буду продолжать держать этот лист за угол все время, пока он будет лежать на столе у Рахметова. — Потому всякие ваши попытки схватить его будут напрасны» (Чернышевский «Что делать?»).

вая ей читать Фурье и Фейербаха. Кроме того они организуют на началах ассоциации швейные мастерские, хозяевами которых являются сами работники. Они мечтают о прекрасном будущем, и эти мечты Чернышевский разрабатывает в графических социальных картинах («сын Веры Павловны»), где художественно показан утопический социализм Фурье.

«Новые люди» — не разрыватели. Это представители передовой молодежи, и появление их означало рост революционных настроений в России. И все же «новые люди» только мечтают о революции, но не делают ее.

Настоящий революционер — только Рахметов. Он появление всех нас вместе ваяет», — говорит Кирсанов.

Цензурные условия не позволяли Чернышевскому изобразить своего героя во весь рост. Он показывал его как бы из-под пола. Он сам говорит, что нарисовал только «абрис», только контур Рахметова.

Читатель с первого взгляда может поразить несоответствие между ролей Рахметова и местом, которое автор отводит ему в романе. Из нескольких сот страниц Рахметову посвящено едва ли несколько строк. Вот почему сложный образ Рахметова требует сосредоточенного внимания читателя.

Роман Чернышевского в значительной мере полемический. Писателю-мифологу тех лет в большом количестве изображали «лишних» людей, т. е. людей, не только не борющихся за переустройство жизни, но отличающихся неопределенностью обличия, устремлений, а часто и просто не выходящих себе места в жизни. Рахметов — противоположность «лишним» людям, в частности противоположность героям Тургенева — Рудину, Лавровскому.

Рахметов — человек одной идеи — идеи революции. Его мировоззрение сложилось в ранней молодости, еще до окончания университета. Он не борется обществу, он идет к нему, применяет свои силы, подобно «лишним» людям. У него твердые убеждения: «Положительное дело человек найдет лишь в том случае, если сойдет своим инстинктом с интересом к делу и интересам народа». Рахметов живет, неустанно следуя своему убеждению. Он знает, куда идти, что делать.

Человек железной воли, Рахметов основательно подготовил себя к революционной деятельности. Дворянин-помещик, он заработал право участия в революции полным разрывом со средой, на которой вырос. Он распорядился своими деньгами в 7 тысяч рублей так, что заслужил анафему от братьев. Он странствует, набирается впечатлений, учится, занимается «скупками делами» и совершенно не думает о собственном благополучии.

Он удерживает себя, готовясь к будущему делу, и физически. 17 лет он по очереди был «террористом по пробам, требующим силы: ползла ползу, таскала бара, рубил арест», был палачом, интеллигентом, переводчиком и разбитком извлекать алмазные промыслы». В 20 лет он тайно алмазы с буржуазии под именем Никитинки Ломова.

Для чего это ему нужно? «Это нужно мне для того, чтобы жить несколько чувственно».

насколько стеснена жизнь (простого народа) сравнительно с моей».

Рахметов ест только ту пищу, которую ест простой народ. «Не имею права тратить деньги на привок, без которой могу обойтись», — говорит он. Свободные деньги он употребит лучше с пользой для дела революции. У него есть стипендия в университете Москвы и Петербурга. Он отдает деньги на издание сочинений Плеханова, философизм материалисту XIX века Фейербаха, порочным сторонником и пропагандистом идей которого был Чернышевский.

Свою спартанскую заповедь Рахметов заперевает тем, что свел на ноль, чтобы приучить себя, если понадобится, к пыткам...

Сильная, несокрушимая личность!

Так же задала он себя морально.

Решив отстоять революцию ценою, он сказал себе: «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщинам». Вот разговор Рахметова с влюбленной в него молодой женщиной:

— «Вы видите, что такое надо, как я, не имею права связывать чью-нибудь судьбу со своей.

— Да, это правда, — сказала она, — вы не можете жениться. Но пока нам придется бросить меня, до тех пор любите меня.

— Нет, и этого я не могу принять, — сказала ей. — Я должен подвигать в себе любовь: любовь к вам связывает все мои руки, они и так не скоро развяжутся у меня, — уж связаны. Но я развужу. Я не должен любить».

Для чего же нужен был Рахметову отказ от любви, от личного счастья? Значит ли это, что он, молодой кипучий человек, сторонник материалиста Фейербаха, на самом деле просто мрачная личность, но не признает здоровых человеческих потребностей, хочет быть аскетом и проповедует аскетизм? Нет, он признает их, но сам хочет остаться аскетом.

— Так нужно, — говорит Рахметов. — Мы требуем от людей полного посвящения жизнью, мы должны совсем жить самоотверженно, что требует этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по прихоти, по убеждению, а не по личной необходимости.

Цельная натура Рахметова, сила воли связываются и в его умственных занятиях. Он образованный человек, по знаниям стоящий на уровне своего века. И этого он достиг упорным трудом. К умственным занятиям его толкнул Кирсанов. Здесь проявились та работоспособность,

которая была свойственна Рахметову, если дело касалось того, что нужно революции. Лицезрел он Кирсанова в первый вечер, валава, прерывая его слова восклицаниями прокатили, тому, что должно погибнуть, благословенный тому, что должно жить...

— С каких же книг мне начать читать?»

И Рахметов читал почти напролет, пока не ознакомился с высшим из них, необходимыми для революционной работы.

Читал он только капитальные сочинения, прощая мимо тех, в которых развивались главные, что нужно для образованного человека и революционера.

«Через год... он отправился в свое странствование и тут имел еще больше удобства заниматься развитием физической силы... Раз даже прошел бурляном всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска!» (Чернышевский «Что делать?»).

Вообще «он успевал делать страшно много, потому что и в распоряжении времени помнил на себя точно такое же обуздание прихоти, как в материальных вещах. Ни четверть часа в месяц не пропало у него на развлечения, отдала ему не было нужно».

У меня занятая воображением: перенес занятия есть отныне.

Эти рахметовские черты: упорный труд над самообразованием, культуризм, умение благоприятно распорядиться своим временем — заслуживают всестороннего нашего изучения. Притом же себя, Рахметов занялся подготовкой революции. Чернышевский не мог подробно описать революционную работу Рахметова, Он делает только намек, но и без него ясно, чем занимался Рахметов, посещая деревни. Он агитатор, организатор крестьянской революции.

Весь и сам Чернышевский в литературной борьбе, писавшей охоту реформы 1861 года, был единственным писателем, представлявшим интересы угнетенной крестьянской массы.

Таковы существеннейшие черты натуры Рахметова, представляется тем людям, о которых Чернышевский писал: «Множко из них расцветает жизнь... Велика масса честных и добрых людей, а также людей мало. Но они в ней — тени в чаше, бужет в благодарном змее; от них ее сама и аромат и цвет лучше людей, или двигатели деятелей, или соль сама вмяну».

Героический тип большевика, который сложился в революционной борьбе под знаменем Ленина — Сталина, вырос из лучших людей в себе лучшие рахметовские черты.

Какою выдержкой, мужеством и презрением к опасности проявил в фашистской Германии тов. Дзигитров, вдохновленный этим образом с конюти!

Какою преданностью революции, самоотверженностью видим мы в германских коммунистах-подпольщиках, борющихся против тирании фашизма в самых опасных условиях, что они с полным правом называют себя «мертвецами в отпуску»! Они подлинны Рахметовы, бесстрашно творящие революцию, и они чувствуют себя настоящими, живыми людьми среди мертвых фашизма.

Стахановцев, комсомолов, передовой советской молодой человек также наследуют лучшие рахметовские качества. Конечно, комсомолец не станет подражать сейчас опрощению Рахметова, придающему его образу оттенок нарочитости. Этого сейчас не надо. Жуж нам и вынуждающий аскетизм Рахметова; нам нечем угодить в себе радость жизни. Советский молодой человек радостно любит, укрепляет семейство и вместе с подругой-женой участвует в строительстве коммунизма.

Но рахметовские служение и преданность революции, его самоотверженность, непреклонное стремление к ясно осознанной цели, упорство в труде, в работе над собой, железная сила воли, глубокая принципиальность — все эти особенности, дающие человека-двигателя, не только не должны и не могут утратиться для нас приживаемости, а, наоборот, в связи с возмущающими задачами социалистической эпохи могут еще сильнее издоскопить нас как подлинно высокие черты революционного характера.

ПЕСНЯ

Стихи АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

Мы летим вдоль затопов
На конях своих дождев.
Видим: вьется по-над Доном
Стая воронов алых.
Поднимается над пылью,
Рвет залетные края,
И у главного на крыльях —
Золоченая змея.
Стойте, стойте, коконоги!

Это в сланных лучих
Блещут в золоте погоны
На серебряных плечах!
— В бой!
И мчнися красной лавой
Утро, вечер, день-дильский...
А над нами пух кровавый
Ветер нес землей Донской.

Четыре года назад в тайге, на берегу Амура, был заложен город Кomsомольск. Вот как будет выглядеть через несколько лет самый юный город страны.

ФИЛЬМ О КОМСОМОЛЬСКЕ

Статья кинорежиссера СЕРГЕЯ ГЕРАСИМОВА

После выпуска жюри «Семеро смеялись», посвященной героизму семи подпольных комсомольцев, наша группа начала работу над новым фильмом — «Кomsомольск».

Когда читатель «Смелых» развернет журнал с этой небольшой статейкой, им со сценаристами Э. Марковой и М. Витусовым будем находиться за тысячи километров от Москвы, на берегу Амура, в далеком Кomsомольске.

Там мы будем дорабатывать наш сценарий, знакомиться с будущими героями фильма.

Это будет рассказ о славных строителях самого юного города нашей страны, о котором так хорошо говорил на X съезде комсомола тов. Маврина, секретарь горкома ВЛКСМ Кomsомольска на Амуре:

«Мобилизованные комсомольцы прибыли работать в глухую тайгу. Первое время жители будущего города должны были довольствоваться скудной экологичностью амбаров, землянок и палатками. Сильную трудность пришлось преодолеть! Вспомогательные болезни, особенно цинга, давали себя знать. Комсомольцы работали не покладая рук. Ни тайга, ни болота, ни суровый климат, ни другие препятствия — ничто не сломило бодрейшего упорства и величайшего энтузиазма нашей героической молодежи».

Мы хотим рассказать, как создавался этот крепкий, мужественный коллектив, стойко перенесший лишения, как более слабые воздействовали на слабых и колеблющихся, как формировались бодрейшие характеры.

Герой фильма — коллектив строителей города Кomsомольска, показанный в ярких образах его выдающихся представителей. Уже сейчас, приступая к работе, им как будто видны их и питомцам к ним чувства глубокой симпатии.

Вот комсомолец Наташа. Она приехала к своему мужу, чтобы вместе с ним строить новый город. Наташа — мужественная, стойкая комсомолка, человек высокого интеллектуально-

го развития. Она переживает глубокую драму, когда ее муж, комсомолец Владимир, ставит вопрос о том, что ей надо ехать обратно в Москву. По его утверждению, ей ничего делать не строится. Оскорбленная, Наташа не уезжает: против воли мужа она остается, поселившись в специально сооруженной для нее землянке.

Серьезная интимная и любовная коллектива, Наташа мужественно переживает свою малень-

кую «драму», работая на строительстве. Она должна прийти перенести Кomsомольску...

Одним из центральных персонажей фильма — секретарь комсомольского комитета Лев. Это замечательный молодой человек. В его образе мы будем стремиться передать черты настоящего, эдакого, всесторонне развитого комсомольца с исключительно широким кругозором, зорким и бдительным.

Очень интересным, на наш взгляд, должен получится и образ молодого комсомольца Петра Жука, напоминающего знаменитого арктического зайца из фильма «Семеро смеялись». Петру Жук — умный, смелый и в то же время сентиментальный парень.

В фильме будет показан также образ сильного, ловкого врага-диверсанта. Он приходит на строительство вместо убитого им комсомольца. Прежде чем убитый, он тщательно изучал приманки и поведение своей жертвы. В Кomsомольске он появляется с документами убитого. Тут он пытается сколотить вокруг себя группу неустойчивых ребят. Этого жестокого и хитрого самурая, воспитанного в одной из зарубежных стран, разоблачает невеста убитого им комсомольца, приезжающая на строительство.

Вот приблизительная наброска основных образов будущего фильма.

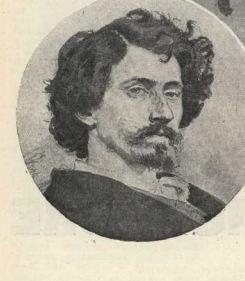
После формирования из Кomsомольска с разрабатываемым сценарием, с массой различных наблюдений и впечатлений мы расскажем читателям «Смелых» о следующем этапе нашей работы.

Мне хочется добавить, что в этом фильме будут сыграны те же артисты, что и в «Семеро смеялись»: Тамара Макарова (Наташа), О. Жаков (секретарь комитета ВЛКСМ), П. Алейников (Петро Жук) и др.

Наша картина будет выпущена одесской фабрикой Ленфильма к 12 июля 1937 года — к пятилетию юбилею со дня закладки города Кomsомольска.

Жители Кomsомольска идут в клуб.

Картина И. Репина «Бурлаки» (1870—1873). Слева — автопортрет художника.

Великий реалист

Очерк ЮЛИИ НЕЙМАН

Ездить на город Репина соблазнила сосед по мастерской Савицкий. Оказавшись приятелем в шумном по-испански коридоре Академии, Савицкий так вкусно рассказывал о новосих видах, что Репин не выдержал и слезся.

Благи по Неве проходили. Прочувственные ласки слезали в затылок. Каузым постройм ирестам. Дачники, в школьных платьях и ярых шляпах, были как большие цветы. Столько солнца, такое широкое яркое, что Репин не ждал о дне, потнутом для работы.

— Однако что это такое адванде сюда? — спросил он у Савицкого. — Вон то, темное, саловое, какое-то коричневое пятно? Что это полает на ишко солнце?

— А это бурлаки бычовой тнут...

Петно увеличивалось, вытягивалось, очертались его гребни. Много лет спустя Репин вспоминал: «Грибная лаза... О боже, зачем же они такие грязные, обормованные? У одного разорванная штанина по земле волочилась и голое колено свиреет. У других лапки повывезли, некоторые без шансов, рубашки, рубахи. Лица утормые, иногда только сверкнул телесный взгляд из-под прядей свисавших волос. Лица потные, бастят... Вот контраст с этим чистым, вроманным движением топсоз!»

Это было в 1868 году. Петя лет спустя прубина на выставке воссоздалась и возмущалась новой, безысходной, немыслимой до сих пор в России картинкой. Полотно было данное, сшитым длинным, как узорная шкура. Белье брало, рижего от заходящего солнца, маровалась, тинула ламку бурлаки. Однинадцать фигур, одиннадцать лиц, каждое из этих лиц — новость.

Лет за 20 до этого иконо-ибуду питомец Академии худосоты, не утративший еще окончательно в душные мастерские любви к природе, мог тоже поехать за город и вдохновиться. Но с уверенностью можно сказать, что для своей картины он искал бы другой сюжет, не изображая бы марованных людей, отдувающихся на лоне природы, солнце, довольные лица — милый, невнятный жанр...

Ничего ведь создали бы на этом же материале художники более позднего времени — также, как Мясоедов, Журавлев, Перов. Они не преминули бы воспользоваться соблазнительным контрастом. Рядом с грязными бурлаками они непре-

менно поместили бы сытых, нарядных, розовых топсоз.

Это обаяло бы залату, подмешало бы животиско логическим доводом.

Художники этого склада пренебрежительно отшвырнули к мистерии.

Таланческие потрошености картин Журавлева, Мясоедова, Морозова с трудом оправдываются высокой целью, которую ставили перед собой живописцы.

Эти художники жили в яшпуче время, в годы пробуждения общественного сознания, брожения умов, растущего протеста против самодержавия. Революционное движение 60-х годов возмущала малообузданная интеллигенция, в лучшей и большей своей части выражавшая недовольство крестьянства самодержавным строем.

Эпоха изживала людей нового склада: разночинцы Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Эти люди представляли к искусству новые требования: искусство должно изображать жизнь, объяснять жизнь, главное в искусстве — не красивая форма, а тема, содержание.

Молодые художники 60-х годов зачитывались Чернышевским. В «Эстетическом отношении искусства к действительности» Чернышевский писал: «Действительность не только живое, но и совершенное фантазия. Образам фантазии — только блеская и часто неудачная передедка действительности».

Художники 60-х годов, те, что впоследствии называли бысь передвижниками, понимали эти слова буквально. Они получались случайными природами, контролили ее по мере сил свое их. Они были натуралистами.

Не так работал Репин.

Для того чтобы написать «Бурлаков», Репин проехал лето на Волге. Там он присматривался к людям, отыскивал характерное и отбрасывал случайные, второстепенные детали. Поэтому то бурлаки Репина и не закупаются в сопоставлении с изрядным барышниками. Не фигуры говорят сами за себя. Изобразив действительность, Репин проинчал в нее зоркий взглядом художника, осмысливая ее. Он был реалистом. В «Бурлаках» ученик императорской Академии худосоты Илья Репин впервые загворил полным голосом. 10 лет прошло с тех пор, как робкий юноша прибыл в Петербург с сердцем,

полным надежды, и 17 рублями в кармане. По-завало было тураное, голубое детство в военном поселении Чугуеве, обремененное у. топографом, подпольное письмо женой.

Репин приехал в Петербург за несколько дней до аниментного в Академии «бунта» 14 конспиректов. 9 ноября 1863 года 14 питомцев Академии — 14 конспиректов на аломую медаль — отказались писать на предложенную профессорами классическую тему и покинули Академию. Они организовали знаменитую «Артель» — сообщество молодых художников, добивавшихся в искусстве жизненной правды. Живописцами «бунта», организаторами и душой «Артели» был художник Иван Николаевич Крамской.

Крамской стал учителем Репина в рисовании и лучшим смысле этого слова. Да у него же и было учиться Репину: не у маститого же Бруни, который рекомендовал добиваться красоты непонятными расстановкой вырванных из жизни фигурок? Как возмущал Репина этот совет! «Разве иная сцена так податлива? Нет, жизнь, жизнь, жизнь!» И молодой художник имеет жизнь посылку: на улице, в парке, на Волге. Законы композиции Репин впервые узнал не в залах Академии, а в кустарниках на Амурской горе.

Как применить эту жажду жизни, эту любовь к миру живому с мифологическими и религиозными сюжетами, излюбленными Академией? Иной раз удавалось проломить этот сюжет словом, задушевно, сокрыть его внутренним теплом. «Воскрешение дочери Иавра» становится настоящей картинкой только потому, что Репину вспомнился рано умершая сестренка Успенная, с которой вместе в детстве вырезывала лопухов и раскрашивала на продажу ифи.

Чтобы создавать таким, надо видеть, знать, чувствовать, надо любить то, что пишешь. Попадая в Италию и Фрацию, куда посылал была Репин после окончания Академии, собственная художника жизнь теплится от солнца. Гора Репина, восстаив широко раскрытые на мир, видела много, во вкорут была чужая жизнь, и знала он ее поперностию. Правы были друзья Крамской и Ситков, заклинившие его назад в Россию.

И вот в 1876 году, после трехлетнего пребывания заграницей, Репин снова на родине, а

Чугуеве. «Я недавно путешествовал по окрестным деревням, — пишет он Стасову. — Была на свадьбах, на балах, в волостях, на постоялых дворах, в кабаках, в трактирах, в церквах...» Художник идет, оценивает, изучает материал.

Решаю сына в родной стили. Он зарисовывает крестьянские лица: «Мушкетера из робких», «Мушкетера с дурным взглядом», — острые и глубокие характеристики. В это время Решин создает и своего «Протодинкова» — изумительный портрет чревоугодника и пьяницы. Эта картина ударила по духовенству сильнее чем все антиклерикальные рассказы в красках, написанные разными передвижниками.

Но «Протодинкова» — это только как бы веха в большой картине, над которой работает Решин с 1879 года. «Хрестный ход в Курской губернии» — одно из лучших созданий Решина. Картина удивительна по остроте и богатству характеристик, прекрасна по выполнению.

Важная помещика, выхоленный священник, богомол, торжественно несущий крестный ход, монументальные страстники, нищие — сколько лиц, ярких, запоминающихся, сколько типов, исчерпанных художником до конца! Это не шарж, не карикатура — это образы трактованные реалистически, типичные художником до действительности и омысленные им. Мы видим движущую толпу, разговаривающих людей, слышим их разговоры, слышим их мысли, слышим их чувства, как мы слышим их голоса. Мы видим людей так, как видел их художник и как он хотел показать их нам. Мы видим отношение художника к изображаемому, его симпатии и антипатии, его гнев и страсть.

В пору своего расцвета, в 1870—1880-е годы, Решин не умеет писать realistically. Он любит свои натуры, заботится в образе, в характере. Вот он рядом с тем же — бурлака Кайяна: «Я иду рядом с Кайяном, не спуская с него глаз. И все больше и больше влюбляюсь в него. Я до страсти влюбляюсь во всякую черту его характера и во всякий оттенок его кожи и поволоки волос».

В этот период Решин не умеет писать вещи и людей, безразличных ему. Лучшие из его портретов — изображения тех, кого он любит: критика-идеолога нового искусства Стасова, собирателя картин молодых художников Третьякова, писателя Гаршина, композитора Мусоргского. Милое своего «Мусоргшина», как называет он Мусоргского, Решин написал так, как никто не смог бы его написать: серьезные, проникновенные детские глаза заставляют забыть о распушем барском лице алкоголика.

Картина «Не ждали» написана в 1883—1884 годах. Содержание ее было в высшей степени современным. В 80-е годы трудно было встретить интеллигентную семью, которой не было бы известно содержание этой картины. Мало кто в эти годы не проводил в смеху отца, сына, друга.

Все мы знаем эту вещь. В светлую, залитую солнцем комнату входит измученный смехом человек. Домашние встречают его удивленным, смущенным, испуганным.

Позже даже художник Решин воспринимал удивительной порядочностью в картине солнца и воздуха — так называемым «плером». Но современники замечали «плером» в последнюю очередь. Картина торчала о с близким и дорогим. Она была глубоко поинтерной и чуждой. Современники рассматривали не «плером», а лицо сальмонного.

Здесь уместно будет отметить, что, как бы хорошо и писал Решин воздух и вещи, в лучших картинах внимание художника всегда сосредоточено на человеке, на человеческом лице. К образу революционера, сальмонного, борющегося с самодержавием Решин возвращается неоднократно. На эту тему написаны «У царской виселицы», «Перед исповедью», «Сходка» — картины неизменно возбуждающие восторг революционно настроенной молодежи.

Картину «Иван Грозный и его сын Иван» он называл высшим достижением Решина, другим — странным его провалом. У этой яр-

«Не ждали» (1883—1884).

тин есть своя биография, своя судьба, и она говорит в ползу картинным гримом ее критическим отзывом.

13 февраля 1885 года Победоносцев¹ пишет царю Александру III: «Стали присылать письма с разных сторон письма с упреками на то, что на Педерсбургской выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство, — «Иван Грозный с убитым сыном». Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения... Удивительное зрелище художество: без малейшего чувства, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прислав картинку того же художника Решина отлучились этой наклонностью и были противным...»

С московской выставки картину везло было сыну. 16 января 1913 года молодой иконописец на старообрядцев нарезал картину восторг.

Каким бы ни были исповедники «Грозного», эта вещь поражала, вызывая у друзей восторг, у врагов — гнев и желание ее уничтожить. Картина была подлинной, живой, она входила в жизнь как событие, порождающее события, то есть была тем, чем должно быть настоящее произведение искусства.

Как же произошло, что творец «Ивана Грозного» и

других живых и волнующих вещей заболел самой страшной для художника болезнью — раночувствительностью? Мы проходим по залам выставки Решина. И после комнаты, посвященной творчеству 80-х годов, мы словно попадаем на за-

«Портрет дочери» (1881).

¹ Победоносцев — оберпрокурор святейшего синода, ярый реакционер-консерватор. Была огромная клевета на дар Александра III.

Фантазия или действительность

Изгнорочное увеличение германских вооружений коснулось не только сухопутной армии, военной авиации, но и морского флота. Острые вооружения на море направлено непосредственно против Советского союза. Весь наш флот специально приспособлен к действиям в Балтийском море. Ряд германских островов и побережий превращен в базы авиации и подводных лодок. На верфях строятся различные военные корабли, среди которых есть и крупные, линейные корабли, водоизмещения в 35 тысяч тонн каждый, и малые, торпедные катера, вооруженные своей одной торпедой и пулеметами.

Несколько недель назад газета «Пари суар» сообщила, что ею получены достоверные данные об описании проектирования германскими инженерами военного корабля совершенно нового класса. Появление его произошло во, по словам военных специалистов, полную революцию в тактике и стратегии военных действий на море.

Наступательная мощь линейного корабля заключалась в его тяжелой артиллерии. Это шесть или девять орудий калибром 12—16 дюймов. Так, на новейшем английском линейном корабле «Нельсон» шесть 16-дюймовых орудий стоят на носу, три — на корме. На записываемом постройкой французском линейном

корабле «Дюнкерк» все восемь 13,5-дюймовых орудий сосредоточены в носовой части.

Недостаток всех существующих линейных кораблей заключается в том, что тяжелая артиллерия не может обеспечить кругового обстрела. Новые орудия линейных возможностей стрелять назад. Поэтому корабль не в состоянии обрушить всю мощь своей артиллерии в одном направлении. Пала обстрела главной артиллерии не превосходит обычно 270 градусов.

Зачем — постройка корабля, артиллерия которого стреляла бы на все 360 градусов, — и была, следовательно, поставлена перед германскими конструкторами.

На новом корабле, постройкой которого, по некоторым сведениям, должна заняться на одной из германских кораблестроительных верфей, в Вильгельмстаде, артиллерия будет расположена по-новому.

Две трети длины корабля занимают спардек, на котором не будет ничего, кроме шести тяжелых орудий и двух люков для выбрасывания самолетов, помещающихся во внутренних ангаров.

Зенитная и вспомогательная артиллерия, машинное отделение и единственная труба помещаются в кормовой части, так что они не мешают стрельбе тяжелой артиллерии.

В центре спардека находится стальная бронированная башня, в которой сосредоточено все управление кораблем и его артиллерией. Здесь же помещаются три орудия, имеющие круговое вращение. Две боевые трехорудийные установки могут передвигаться как вала, так и поперек корабля, причем всегда таким образом, чтобы создать сосредоточенный огонь всех шести орудий. Вместе с орудиями будут неравномерно и грузовые подъемники, доставляющие боеприпасы.

В бое такой корабль будет иметь преимущество перед противником: ему не придется менять курса; он сможет наступить в бой всеми своими орудиями, как только это покажется необходимым его командиру.

Если сообщение «Пари суар» — фантазия, нельзя отказывать ей в правдоподобности. Если же оно соответствует действительности, то Германия немалого останется одинокой в этой области: другие державы, естественно, не замедлят начать строительство таких кораблей, которые будут способствовать с успехом бороться с флотом фашистской Германии.

Гонка вооружений на море станет тогда не только количественной, но и качественной.

Ю. ШЕР

ВЕЛИКИЙ РЕАЛИСТ

(Окончание)

танувшие порохи, точнее, мы присутствуем при медленном угасании того, что издавна горело, возмущалось, жгло. Иеродда маячет что-то, напоминающее прелесть художника: его аорды заглаз, жадность к жизни, чуждость. Промелькает и исчезнет. Полотна большие и маленькие смеются друг друга. Перед нами приятные сочетания красок, небольшие давки и вопиющие неудачи, в итоге — холод и — самое страшное в искусстве — скука.

Художник оставляет зрителя равнодушным: он сам равнодушен. Художника больше нет. Как же это произошло? Слова обратиться и биографии.

В 1876 году бунтарь Репин писал своему другу, страстному апологету нового искусства Стасову: «Как я буду забавляться чтением тех строю, где будут уничтожены все Академии с их пошлыми, развращающим влиянием на искусство...»

17 лет спустя тот же Репин намеревается принять участие в работе Академии, правды, реорганизационной, но все же императорской Академии.

В те же годы он начинает надолго достоянства у прежде незнавшего ему Карла Брюллова, автора пышных и декоративных картин.

Творец «Протопопова» и «Крестного хода» пишет в письме к своему другу: «Я как потерянный пылица, не могу воздержаться от свалочных сюжетов. И всякий раз на страсть...»

Художник-материалист, увеличил выводить такие ириски, растопыте, адомирные, такие земные красны, становится религиозным человеком, мистиком.

И в творчестве Репина этого периода мы наблюдаем сдвиг за сдвигом. В письме точно убывает у художника живые силы. Подчас художник сам ощущает это. В письме скульптору Антокольскому он говорит с горечью: «Напрасно вы что-то еще ждете от меня в искусстве. Нет, уж я склонился в долную лет преклонился. В этом возрасте уже только непереносное творчество...»

Но фризическая старость мешает Репину. Мы знаем в искусстве немало людей, дававших под старость вещей свое и сильное. Дело не в возрасте...

Искусство Репина было искусством живых людей, земной жизни и борьбы, оно было искусством молодости.

Палитра Репина была палитрой сочиня, горячих и свежих красок.

Репин — мистик, Репин — эстет, провозглашающий, что «искусство выше жизни», «форма выше содержания», — какая нечестность!

Оставим Залулу творца «Иди за мной, сатана», «Короля Альберта» и других вещей, плохо написанных и речных.

Нам дорог художник, влюбленный в жизнь, художник, откликающийся на все ее явления, страстный и нетерпимый.

Репин — наш в том лучшем и живом, что он создал.

Не показательно ли, что 70-летний старик, презиравший «футуризм», полюбил молодого Маяковского?

Чуждый асонирует, как Репин слушал Маяковского:

«...Я жду от Репина проклятий и молний, но вдруг он провозгласил аэлобоню:

— Браво, браво!

И начинает гадать на Маяковского с самой неоправданной нежностью. И после каждой строфы повторяет:

«Великолепно! Отлично!».

Общая в читателю: уже конечно, Репин просит: ежел Маяковский читает и «Колту фав», и «Алисе города», и свое любимое «Нате».

Репин посвящает все парче и в своем гитарно-перламбическом стиле, сравнивает Маяковского с Гошом, с Мусоргским.

Слова худые и непринятые формы слова семидесятилетнего старик инстинктом большого художника сразу угадал в Маяковском огромную силу, сразу понял и его поэзию то, чего тогда еще не принимали ни редакторы журналов, ни профессиональные критики.

Силой любя и живой жизни, инстинктивной, Репин вышел из жизни знающей и темной. Он сумел воспитать в себе это качество в тяжелой обстановке царского военного поселения, где прошло его детство. Сумел уберечь в годы трудного господства молодости. Пусть не слушают это укором тем, кто не видит в нашей жизни, молодой и радостной, ничего, кроме призрачных и неестественных сочетаний линий и красок!

29

